

Филип Дик

Когда наступит прошлый год

*Часть сборника
Порог между мирами (сборник)*

Филип Киндред Дик

Когда наступит прошлый год

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=626545
Порог между мирами: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45404-4

Аннотация

XXI век. Земляне заключили договор о мире с гуманоидами со звезды Лилистар. В то же время Земля ведет долгую и изнурительную войну еще с одной цивилизацией. Главный герой случайно принимает сильный галлюциноген и обретает способность перемещаться во времени. Заглянув в будущее, он обнаруживает, что враги и друзья совсем не те, кем кажутся...

Содержание

1	4
2	13
3	22
4	27
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Филип Дик

Когда наступит прошлый год

Посвящается Нэнси Хэкет

*...Где мог бы ты ступить по Солнцу
И ярче быть его лучей.*

Генри Вуэн

1

Хорошо знакомое здание, похожее очертаниями на бескрылую птицу, как всегда, испускало приглушенное сероватое свечение. Эрик Свитсент посадил машину и поставил ее в персональный бокс.

«Восемь утра, – мрачно подумал он. – А мой шеф, Вирджил Л. Эккерман, уже успел открыть офис корпорации. Только представьте себе человека, у которого голова прекрасно варит в такую рань, вопреки всем законам мироздания. Хорош мир, ничего не скажешь! Война оправдывает любые человеческие странности, включая выходки этого старого сморчка».

Он уже направился было в сторону входа, но его остановил чей-то оклик.

– Мистер Свитсент! Одну минуту, сэр! – раздался звенящий, как струна, крайне неприятный голос робота.

Эрик неохотно остановился, и автомат подкатился к нему, энергично размахивая всеми конечностями.

– Вы ведь мистер Свитсент из тихуанской корпорации «Меха и красители»?

Оговорка не ускользнула от его внимания.

– Доктор Свитсент, если позволите.

– У меня для вас счет, доктор. – Робот молниеносным движением извлек из металлического кармашка сложенный листок бумаги. – Ваша жена, миссис Кэтрин Свитсент, три месяца назад совершила покупку в «Счастливых мгновениях для каждого». Шестьдесят пять долларов плюс шестнадцать процентов комиссии. Кроме того, есть еще, так сказать, юридический аспект. Прошу прощения, что задерживаю вас, но все это было... гм... незаконно.

Робот внимательно наблюдал, как Эрик с большой неохотой достает чековую книжку.

– Что она купила? – мрачно спросил Свитсент, выписывая чек.

– Пачку «Лаки страйк», доктор. В оригинальном старинном зеленом оформлении тысяча девятьсот сорокового года, времен начала Второй мировой войны, когда сменился дизайн упаковки. Ну, знаете: «Зеленый “Лаки страйк” пошел воевать».

Робот захихикал.

Эрик не мог поверить в услышанное. Что-то тут было не так.

– Но ведь покупка наверняка была сделана за счет фирмы, – возразил он.

– Нет, доктор, – заявил робот. – Честное слово. Миссис Свитсент особо отметила, что покупает пачку для личного пользования.

Затем последовало пояснение, фальшь которого тут же бросилась Эрику в глаза, хотя трудно было сказать, по крайней мере сейчас, исходит ли оно от автомата или от Кэти.

– Миссис Свитсент строит Питс-тридцать девять, – благоговейно проговорил робот.

– Ну да, конечно, черт бы тебя побрал.

Он швырнул в сторону робота выписанный чек. Автомат погнался за бумажкой, а Эрик снова направился в сторону входа.

«Пачка “Лаки страйк”. Ну да, – мрачно подумал он. – Кэти снова сходит с ума. Весь ее творческий запал находит выход лишь в бессмысленной трате денег. Расходы жены постоянно превышают ее доходы, которые несколько выше моей зарплаты. Следует с болью в сердце признать это. Но, так или иначе, почему она ничего мне не сказала? Столь серьезная покупка...»

Ответ напрашивался сам собой. Одна лишь сумма счета говорила об удручающей серьезности проблемы.

«Пятнадцать лет назад я бы сказал, да и на самом деле говорил, что наших совместных доходов хватает на вполне приличную жизнь для любой пары в меру разумных взрослых людей, – подумал Эрик. – Даже учитывая инфляцию, типичную для войны».

Однако дела пошли несколько иначе. Эрика не оставляло предчувствие, что к лучшему они не изменятся уже никогда.

В здании корпорации он свернул в коридор, ведущий к его кабинету, с трудом подавив желание подняться к Кэти и сразу же выложить ей все, что он о ней думает.

«Позже, – решил он. – Вечером, может, за ужином. Господи, сколько же работы ждет меня сегодня!...»

Ему, как всегда, не хватало энергии на неустанный тяжелый труд.

– Доброе утро, доктор.

– Привет, – ответил Эрик и кивнул своей секретарше мисс Перт.

На этот раз она опрыскала свои всклокоченные волосы блестящей голубой краской с искрящимися вкраплениями, в которых отражался свет ламп.

– Где Химмель?

Главного контролера качества нигде не было заметно, а Эрик уже видел, что на парковке приземляются сотрудники филиала.

– Брюс Химмель звонил и сказал, что на него подала иск публичная библиотека в Сан-Диего, так что ему придется явиться в суд. Скорее всего, он опоздает на работу.

Мисс Перт услужливо улыбнулась Эрику, продемонстрировав безупречные зубы из синтетического черного дерева – обескураживающее приобретение, которое она привезла год назад из Амарильо в Техасе.

– Вчера копы из библиотеки вломились в его квартиру и нашли двадцать книг, украденных им. Вы же знаете Брюса, его постоянное желание проверить все самому... Как это называется по-гречески?

Эрик вошел в кабинет, принадлежавший только ему одному. С точки зрения Вирджила Эккермана, это являлось определенной привилегией, заменявшей повышение по службе.

В кабинете, возле окна, стояла его жена Кэти. Она курила мексиканскую сигарету со сладким ароматом и смотрела на суровые желтые холмы калифорнийского побережья к югу от города. Этим утром он еще не видел ее. Она встала за час до него, оделась, позавтракала и поехала на работу на своей машине.

– В чем дело? – сухо бросил Эрик.

– Войди и закрой дверь.

Кэти повернулась, все еще не глядя на него. Ее привлекательное лицо приобрело задумчивое выражение.

Он закрыл дверь.

– Спасибо, что встретила меня в моем кабинете.

– Я знала, что тот чертов сборщик денег тебя сегодня прихватит, – безразлично проговорила Кэти.

– Почти восемьдесят баксов. Вместе со штрафом.

– Ты заплатил?

Она впервые посмотрела на него. Подкрашенные ресницы затрепетали, выдавая беспокойство.

– Нет, – язвительно ответил он. – Позволил роботу застрелить меня на месте, прямо на парковке. – Он повесил пальто в шкаф. – Конечно заплатил. Никуда не денешься, с тех пор как Моль ликвидировал возможность покупок в кредит. Знаю, что тебя это мало волнует, но если не заплатить в течение...

– Только без лекций, пожалуйста. Что он тебе сказал? Что я строю Питс-тридцать девять? Он соврал. Я купила зеленые «Лаки страйк» в подарок. Без твоего согласия я не стала бы строить никакую страну детства. В конце концов, она принадлежала бы и тебе тоже.

– Только не Питс-тридцать девять. Я не жил в Питсбурге ни в тридцать девятом, ни когда-либо еще. – Он сел за стол и набрал номер на интеркоме. – Я уже на месте, миссис Шарп, – сообщил он секретарше Вирджила. – А у вас как дела? Без проблем вернулись вчера вечером с того антивоенного митинга? Никакие пикеты поджигателей войны на вас не напали? – Он выключил интерком и повернулся к Кэти. – Люсиль Шарп – страстная сторонница мира. Пожалуй, корпорация поступает весьма любезно, позволяя сотрудникам участвовать в политической агитации, правда? Более того, это ни цента не стоит. Участвовать в политических митингах можно бесплатно.

– Но нужно молиться и петь, – заметила Кэти. – Еще там требуют покупать всякие обязательства.

– Для кого была та пачка сигарет?

– Для Вирджила Эккермана, конечно. – Она выпустила две одинаковые спирали дыма. – А ты что, думаешь, мне хотелось бы сменить работу?

– Ясное дело, если бы ты нашла что-нибудь получше...

– Вопреки тому, что ты думаешь, Эрик, меня вовсе не держит здесь высокая зарплата, – многозначительно проговорила Кэти. – Сам же знаешь, что мы помогаем бороться с ригами.

– Здесь? Каким образом?

Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась мисс Перт.

Секретарша задела косяк объемистой грудью, повернулась к Эрику и сказала:

– Прошу прощения, доктор, но с вами хочет увидеться мистер Джонас Эккерман, внучатый племянник мистера Вирджила, из Ванн.

– Как там Ванны, Джонас? – спросил Эрик, протягивая руку родственнику владельца фирмы. – Что-нибудь вынырнуло в ночную смену?

– Даже если и вынырнуло, то приняло облик рабочего и ушло через главные ворота, – ответил Джонас и только теперь заметил Кэти. – О, доброе утро, миссис Свитсент. Я видел тот новый предмет, который вы приобрели для нашего Ваш-тридцать пять, горбатый автомобиль. Как его там... «Фольксваген»? Так он назывался?

– Аэродинамический «крайслер», – объяснила Кэти. – Хорошая машина, но слишком уж много грохотало в ней металла. Из-за этого технического недосмотра она и провалилась на рынке.

– Господи! – восхищенно воскликнул Джонас. – Это просто фантастика – столь основательно в чем-то разбираться! К черту дилетантизм эпохи Возрождения. Лучше уж специализироваться в какой-то одной области, пока... – Он не договорил, увидев мрачных Свитсентов, молчащих словно изваяния. – Я вам помешал?

– Сперва дела фирмы, а уж потом всякие животные удовольствия, – сказал Эрик, радуясь, что их посетил член запутанной династии владельцев корпорации, пусть и не занимающий в ней высокого положения. – Катись отсюда, Кэти, – обратился он к жене, не пытаясь даже изображать вежливость. – Поговорим за ужином. У меня и без того хватает работы,

чтобы тратить время на пустые рассуждения о том, способен ли технически робот-сборщик денег лгать или нет.

Эрик проводил ее до двери. Она шла молча, не пытаясь сопротивляться.

– Он ведь над тобой просто насмехается, как и все остальные, верно? – мягко добавил Свитсент. – Все про тебя постоянно сплетничают.

Он закрыл за Кэти дверь.

– Что ж, таковы уж сегодня супружеские отношения, – пожал плечами Джонас Эккерман. – Узаконенная ненависть.

– Почему ты так считаешь?

– Мне пары фраз хватило, чтобы почувствовать, как в воздухе повеяло смертельным холодом. Надо бы издать какой-нибудь указ, запрещающий человеку работать в одной фирме с женой, черт возьми, даже в одном городе с ней.

Он улыбнулся, и с его худощавого юношеского лица тут же исчезла всяческая серьезность.

– Но, знаешь, она действительно хороша. Вирджил постепенно уволил всех остальных собирателей древностей после того, как Кэти начала здесь работать. Она наверняка тебе об этом говорила.

– Много раз.

«Причем каждый день», – угрюмо подумал Эрик.

– Почему вы не развелись?

Эрик пожал плечами, что должно было означать глубоко философский подход к жизни. Он надеялся, что у него это получилось.

– Значит, этот брак тебя устраивает?

– Это значит, что я уже был когда-то женат, и дела обстояли нисколько не лучше, – обреченно проговорил Эрик. – Если я разведусь с Кэти, то наверняка снова кого-нибудь себе найду, поскольку не вижу себя в иной роли, кроме как мужа, отца и кормильца семьи. Следующая жена окажется такой же, ибо я выбираю одинаковых женщин. Этих черт моего характера уже не изменишь.

Он поднял голову и посмотрел на собеседника со всей мазохистской злобой, на какую только был способен.

– Чего ты хотел, Джонас?

– Намечается поездка, – радостно сообщил Джонас Эккерман. – На Марс, для всех нас, включая тебя. Конференция! Мы с тобой можем занять места подальше от старика Вирджила, чтобы не пришлось говорить о фирме, войне и Джино Молинари. Поскольку мы летим на большом корабле, весь полет займет шесть часов в один конец. Ради всего святого, нельзя допустить, чтобы нам пришлось стоять всю дорогу до Марса и обратно. Давай сразу же займем места.

– Как долго мы там пробудем?

Перспектива поездки вовсе не улыбалась Эрику, который не хотел чересчур надолго отрываться от работы.

– Наверняка вернемся завтра или послезавтра. Слушай, ты таким образом не станешь мешать жене, поскольку Кэти остается здесь. Парадокс, но я заметил, что когда старик оказывается в Ваш-тридцать пять, он предпочитает, чтобы никакие специалисты по древностям не путались у него под ногами, любит отдаваться... гм... магии места, особенно теперь, в старости. Когда тебе сто тридцать лет, начинаешь кое-что понимать. Возможно, так будет и со мной. Тем временем нам приходится терпеть его капризы. Ты сам наверняка это знаешь, Эрик, – мрачно добавил Джонас. – Раз уж ты его врач. Он никогда не захочет умереть, не примет, как говорится, столь трудного решения, что бы ни отказало в его организме и что бы ни потребовалось в нем заменить. Порой я завидую его оптимизму. Тому, что он столь

безумно любит жизнь, придает ей такой вес, а мы, мелкие смертные, в нашем возрасте... – Он смерил Эрика взглядом. – Жалких тридцати или тридцати трех лет...

– Во мне множество жизненных сил, – прервал его Эрик. – Я готов к долгой жизни и не дам ему себя победить. – Он достал из кармана пальто счет, который дал ему робот. – Сосредоточься и попытайся вспомнить, не появлялась ли месяца три назад в Ваш-тридцать пять зеленая пачка «Лаки страйк», купленная Кэти?

После долгого молчания Джонас Эккерман ответил:

– Несчастный ты, подозрительный дурачок. Только об одном и способен думать. Послушай, доктор, если ты не сосредоточишься на своей работе, то тебе конец. В отделе персонала лежит два десятка заявлений от хирургов-трансплантологов, которые только и ждут, чтобы получить работу у человека типа Вирджила, большой шишки в области промышленности и войны. Ты на самом деле не настолько уж и хорош.

На лице Джонаса одновременно отражались сочувствие и неодобрение. Эта странная смесь вдруг насторожила Эрика Свитсента.

– Если бы, например, у меня самого отказало сердце – а так наверняка скоро и случится, – то я бы, пожалуй, не поспешил к тебе. Ты слишком занят своими личными делами, живешь ради себя, а не ради планеты. Господи, неужели ты не помнишь, что мы ведем войну не на жизнь, а на смерть? И проигрываем! Каждый чертов день нас стирают в порошок!

Эрик понимал, что это правда.

«К тому же наш командующий – больной ипохондрик, лишенный присутствия духа. Корпорация “Меха и красители” – один из тех огромных промышленных комплексов, которые служат ему опорой, удерживая Моля у власти. Без близкой дружбы со столь высокопоставленными особами, как Вирджил Эккерман, Джино Молинари давно бы уже лишился поста, лежал бы в могиле или догнивал где-нибудь в доме престарелых. Я это знаю. И все-таки личная жизнь должна продолжаться. Ведь я не по собственной воле впутался в семейные дела, вошел в клинч с Кэти. А если ты считаешь, что на самом деле все иначе или было иначе, то все из-за того, что ты болезненно молод. Тебе не удалось перебраться из страны юношеской свободы в ту, где живу я, с женщиной, которая превосходит меня во всех отношениях, финансовых, интеллектуальных и даже сексуальных. Да, и это тоже!» – думал он.

Прежде чем покинуть здание, доктор Эрик Свитсент заглянул в Ванны, посмотреть, не появился ли на работе Брюс Химмель. Тот и в самом деле стоял возле огромной корзины, полной дефектных «Ленивых Рыжих Собак».

– Переработай обратно, в исходную массу, – сказал Джонас Химмелю, который широко улыбнулся своей обычной кривой бессмысленной улыбкой, когда младший Эккерман бросил ему один из бракованных шаров, сходявших с конвейера корпорации вместе с другими, предназначенными для встраивания в системы управления межпланетных кораблей.

– Знаешь, – обратился он к Эрику. – Если взять с десятков этих управляющих систем, причем не испорченных, а тех, которые отправляют в коробках в армию, то окажется, что время их реакции за последний год или даже полугодие увеличилось на несколько микросекунд.

– Значит ли это, что снизились наши стандарты качества? – спросил Эрик.

Подобное казалось ему невозможным. Продукция корпорации была крайне важна. От этих шаров величиной с человеческую голову зависел весь ход военных действий.

– Именно. – Джонаса это, похоже, не особо волновало. – Поскольку мы отправляли в брак слишком многие из них, и они перестали приносить прибыль.

– П-порой я мечтаю о том, чтобы вернуться к марсианскому гуано, – заикаясь, пробормотал Химмель.

Когда-то корпорация занималась переработкой экскрементов марсианских летучих мышей, что принесло ей первую прибыль. Потом фирма смогла вложить средства в другое, намного более прибыльное внеземное существо, марсианскую амебу-копир. Это выдающееся одноклеточное смогло выжить благодаря своей способности имитировать другие формы жизни, особенно существ такой же величины. Эта способность позабавила земных астронавтов и представителей ООН, но никому не пришло в голову использовать ее в промышленных целях, пока на сцене не появился Вирджил Эккерман, знаменитый переработчик гуано летучих мышей. Он показал амебе дорогую меховую накидку одной из своих тогдашних любовниц, и та в точности ее воспроизвела. Перед Вирджилом и девушкой появились две норковые накидки. Однако амебе в конце концов наскучило быть мехом, и она обрела прежний облик, последствия чего оставляли желать лучшего.

Много месяцев спустя было найдено решение: убить амебу на стадии мимикрии и погрузить «труп» в ванну с химическими закрепителями, сохранявшими ее в последней форме. Это существо не могло разложиться, поэтому в дальнейшем его невозможно было отличить от оригинала. Вскоре Вирджил Эккерман основал в мексиканской Тихуане предприятие, куда поступали всевозможные разновидности псевдомехов, доставлявшиеся с промышленных установок на Марсе. Он почти сразу же завоевал земной рынок натуральных мехов.

Однако все изменила война.

Впрочем, разве было хоть что-то, чего она не коснулась? Кто после подписания мирного договора с Лилистаром мог предполагать, что дела пойдут столь плохо? Премьер-министр Лилистара Френекси утверждал, что их союз стал теперь господствующей военной силой в галактике. Противники же, риги, уступают ему во всех, не только военных, отношениях, а потому война наверняка продлится недолго.

Хватило бы уже одних ужасов войны, размышлял Эрик. Но лишь возможность поражения, самая худшая из всех, заставляла людей задуматься, пусть и тщетно, над некоторыми прошлыми решениями. Хотя бы по поводу мирного договора, пример которого мог бы прийти в голову многим землянам, если бы их о том спросили. Но в то время с мнением своих подданных не считался ни Моля, ни тем более правительство Лилистара. Все были убеждены в том, что и мнения самого Моля тоже никто больше не спрашивал. Многие открыто говорили об этом как в барах, так и у себя дома.

Сразу же после начала сражений с ригами корпорация переключилась с торговли роскошными имитациями мехов на военную продукцию, разделив судьбу всех прочих промышленных предприятий. Невероятно точное воспроизводство системы управления космическими кораблями, «Ленивой Рыжей Собаки», стало естественным продолжением деятельности корпорации. Перемена прошла безболезненно и молниеносно.

Теперь Эрик Свитсент задумчиво стоял перед корзиной с отходами. Он, как в свое время каждый сотрудник корпорации, размышлял о том, можно ли как-то использовать эти второсортные, хотя оттого не менее сложные изделия. Эрик взял одно из них, напоминавшее весом бейсбольный мяч, а размерами – грейпфрут. С экземплярами, забракованными Химмелем, явно сделать уже ничего было нельзя, и он повернулся, чтобы бросить шар в пасть воронки, где тот превратился бы в исходную органическую массу.

– Погоди, – проскрипел Брюс.

Эрик и Джонас посмотрели на него.

– Не кидай, – добавил Химмель.

Его уродливая фигура смущенно переминалась с ноги на ногу, руки били по воздуху, шевеля длинными узловатыми пальцами.

Он, словно идиот, раскрыл рот и пробормотал:

– Я... я больше так не делаю. Один такой экземпляр как сырье стоит четверть цента, а вся эта корзина – около доллара.

– Ну и что? – удивился Джонас. – Все равно их надо...

– Я его покупаю, – пробулькала Химмель, полез в карман брюк за бумажником и смог его извлечь после долгих тяжких усилий.

– Зачем ты его покупаешь? – спросил Джонас.

– У меня все спланировано, – после нескольких мгновений томительной тишины заговорил Химмель. – Я плачу за каждую забракованную «Ленивую Рыжую Собаку» полцента, то есть двойную ее стоимость, благодаря чему фирма получает прибыль. Кто мог бы меня в этом упрекнуть? – Голос его перешел в писк.

– Никто тебя ни в чем не упрекает, – возразил Джонас, внимательно глядя на него. – Мне только интересно, зачем они тебе.

Он обернулся к Эрику, словно спрашивая его мнения.

– Я их использую, – ответил Химмель, угрюмо повернулся и, волоча ноги, направился к двери, находившейся неподалеку. – Они все мои, поскольку я заранее за них заплатил из своей зарплаты, – бросил он через плечо, открыл дверь и встал рядом с ней.

Лицо его потемнело от обиды и глубоко вьевшихся следов болезненной тревоги.

По помещению, напоминавшему склад, на колесиках величиной с серебряный доллар ездили небольшие тележки. Их было не менее двадцати, и они ловко объезжали друг друга, не прекращая оживленно двигаться.

Эрик увидел, что на раме каждой тележки стоит «Ленивая Рыжая Собака», по проводам управляющая ее действиями.

Джонас почесал нос, что-то проворчал и спросил:

– От чего они питаются?

Он наклонился, сумел схватить тележку, проезжавшую возле его ноги, и поднял ее. Колеса продолжали вращаться.

– От маленькой дешевой десятилетней алкалиновой батарейки. Она стоит еще полцента.

– Значит, ты конструируешь эти тележки?

– Да, мистер Эккерман.

Химмель забрал у него тележку и поставил на пол. Машинка поспешно двинулась дальше.

– Они пока слишком молодые. Им нужно еще поупражняться, прежде чем можно будет их выпустить.

– Значит, потом ты дашь им свободу, – догадался Джонас.

– Верно.

Химмель кивнул большой, почти лысой головой. Очки в роговой оправе сползли на самый кончик его носа.

– Зачем? – спросил Эрик.

Химмель покраснел. По его лицу пробежала болезненная судорога, но вместе с тем на нем отразилось неясное чувство, похожее на гордость.

– Потому что они этого заслуживают, – выдавил он.

– Но эта протоплазма не живая, – заметил Джонас. – Она погибла после применения химического закрепителя. Ты же сам знаешь. С тех пор все они – лишь обычные электронные схемы, такие же мертвые, как, например, роботы.

– Но я считаю их живыми, мистер Эккерман, – с достоинством ответил Химмель. – Пусть они хуже и не могут управлять кораблем в космосе. Это не значит, что такие существа не имеют права прожить свою скромную жизнь. Я выпускаю их. Тележки катаются, как мне

думается, лет шесть, может, и больше, то есть вполне достаточно. Они получают то, на что имеют право.

– Если старик об этом узнает... – начал Джонас, повернувшись к Эрику.

– Мистер Вирджил Эккерман об этом знает и одобряет, – сообщил Химмель и тут же поправился: – То есть он мне это разрешает, зная, что я возмещаю фирме расходы. Тележки я собираю ночью, в свободное время. У меня дома есть конвейер, конечно, очень простой, но мне хватает. Я работаю где-то до часу ночи, – добавил он.

– Что они делают после того, как их выпустили? – спросил Эрик. – Просто катаются по городу?

– А бог его знает.

Видно было, что этот вопрос Химмеля не интересует. Он занимался своим делом, собирал тележки и подключал к ним «Ленивых Рыжих Собак» так, чтобы те могли функционировать. Похоже, этот чудаковатый был прав. Не мог же он сопровождать каждую тележку, оберегать ее от опасностей, подстерегающих в городе.

– Ты настоящий мастер своего дела, – попыток Эрик, сам не зная, смешно ему, противно или еще что. Он знал лишь одно. На него это не произвело особого впечатления. Все предприятие казалось ему странным и глупым, абсурдом чистой воды.

«Химмель неустанно трудится здесь и дома, заботясь о том, чтобы фабричный брак нашел свое место под солнцем... Чего еще можно ожидать? Все это происходит, когда остальное человечество сражается с другим безумием, куда большим, – всеобщим абсурдом бессмысленной войны. На подобном фоне деятельность Химмеля выглядит не столь уж идиотской. Такое уж наступило время. Безумие висит в воздухе, начиная с Моля и заканчивая этим контролером качества, явно страдающим некими клиническими нарушениями психики».

– Совсем тронулся, – заметил Эрик, идя по коридору вместе с Джонасом Эккерманом.

– Само собой, – ответил тот и пренебрежительно махнул. – Зато у него есть возможность получше узнать старика Вирджила, который терпимо к этому относится, притом наверняка не из-за прибыли. Дело в чем-то другом. В общем, я даже рад. Вирджил мне казался куда более жестоким. Я бы скорее ожидал, что он вышвырнет этого несчастного кретина, отправит его вместе с каторжниками на Лилистар. Не желал бы ему такой судьбы. Химмелю еще повезло.

– Как, по-твоему, все это закончится? – спросил Эрик. – Думаешь, Моль подпишет сепаратный договор с ригами и вытащит нас из этой задницы, предоставив лилистарцев самим себе? Впрочем, они вполне это заслужили.

– Он не может так поступить, – категорично заявил Джонас. – Иначе тайная полиция Френекси доберется до него на Земле и превратит в котлету. Его вышвырнут с поста и заменят кем-нибудь по-настоящему воинственным. Кем-то, кому нравится воевать.

– Но ведь это невозможно, – сказал Эрик. – Он наш командующий, а не их.

Однако он знал, что Джонас прав, независимо от соображений юридического характера. Его собеседник просто реалистично оценивал союзника в свете имеющихся фактов.

– Больше всего шансов нам дает поражение, – заявил тот. – Медленное, неизбежное, такое как сейчас. – Он понизил голос до хриплого шепота. – Не люблю пораженческих разговоров, но...

– Выкладывай.

– Эрик, это единственный выход, даже если нас ждет столетняя оккупация ригов в наказание за то, что выбрали не того союзника не в той войне и не в то время. Что ни говори, это первая наша достойная попытка межпланетного милитаризма. Так чем же именно мы занялись? Вернее, не мы, а Моль?

Джонас поморщился.

– Но ведь это мы его выбрали, – напомнил Эрик, который полагал, что в конечном счете ответственность падала на них.

Неожиданно к ним приблизился невысокий, иссушенный и почти невесомый человек, похожий на древесный лист, который воскликнул резким пискливым голосом:

– Джонас, и ты тоже, Свитсент! Пора отправляться на экскурсию в Ваш-тридцать пять.

В словах Вирджила Эккермана звучало легкое раздражение. Его голос чем-то напоминал щебет птичьей мамы над птенцами. Престарелый босс корпорации почти превратился в гермафродита, мужчину и женщину, соединенных в одном существе, лишенном плоти и соков, но все еще живом.

2

Вирджил Эккерман открыл старинную пустую пачку из-под «Кэмела», сплющил ее в руке и спросил:

– Бах, трах, стук или треск? Что выбираешь, Свитсент?

– Стук, – ответил Эрик.

Старик посмотрел на след, заметный на внутренней стороне клееного дна пачки, ставшей теперь плоской.

– Трах. Придется мне стукнуть тебя по плечу тридцать два раза.

Вирджил с веселой улыбкой символически похлопал Эрика по плечу и блеснул искусственными зубами из слоновой кости.

– Я вовсе не хотел тебя обидеть, доктор. Мне ведь в любой момент может потребоваться новая печень. Вчера вечером я лег в постель и мучился часа два. Кажется, всему виной токсемия, хотя ты должен еще это проверить. Я даже пошевелиться не мог, чувствовал себя как бревно.

– Во сколько вы легли и что делали? – спросил Свитсент.

– Ну... знаешь, доктор, там была одна девушка.

Вирджил шаловливо улыбнулся Харви, Джонасу, Ральфу и Филлис Эккерманам, членам семьи, сидевшим вокруг него в плавно сужавшейся носовой части межпланетного корабля, мчавшегося с Земли к Ваш-35, построенному на Марсе.

– Мне нужно что-нибудь еще добавлять?

– Господи, ты же слишком стар, – строго проговорила Филлис, его внучатая племянница. – Опять у тебя сердце в процессе откажет. Что тогда она подумает, кем бы ни была? Это ниже всякого достоинства, умереть во время... ну, сам знаешь чего.

Она укоризненно посмотрела на Вирджила.

– В таком случае контрольная система в моем правом кулаке, предназначенная специально для таких случаев, вызвала бы доктора Свитсента, – проквашал Вирджил. – Эскулап ворвался бы в комнату и сразу же, на месте, даже не вынося меня из нее, заменил бы старое испорченное сердце на новое. – Он хихикнул, достал из нагрудного кармана льняной платок и вытер слюну с нижней губы и подбородка. – После чего я снова взялся бы за дело.

Его тонкая, как бумага, кожа словно просвечивала изнутри. Кости и очертания черепа, отчетливо видимые под ней, подрагивали от радости и удовольствия, которые доставляла ему мысль о возможности подразнить родственников. Они не имели доступа в его мир, в личную жизнь, которой он, благодаря своему привилегированному положению, наслаждался даже сейчас, несмотря на лишения, принесенные войной.

– Mille tre¹, – мрачно буркнул Харви, цитируя либретто да Понте. – Но в твоем случае, старая развалина, это будет... не знаю, как «миллиард три» по-итальянски. Надеюсь, что доживу до твоего возраста, и тогда...

– Ты никогда до него не доживешь, – захохотал Вирджил, глаза которого искрились от неприкрытой радости. – Забудь об этом, Харв. Возвращайся к своим книгам, ходячий говорящий калькулятор. Тебя найдут мертвым в постели, но не с женщиной, а с... – Вирджил поискал подходящее слово. – Да, с чернильницей.

– Перестань, – сухо бросила Филлис, отвернувшись к звездам и черной пустоте космоса.

¹ Тысяча три (ит.) – количество покоренных женщин, приписываемое Дон Жуану его слугой Лепорелло в опере Моцарта «Дон Жуан» на либретто Лоренцо да Понте.

– Я бы хотел вас кое о чем спросить, – обратился Эрик к Вирджилю. – О зеленой пачке «Лаки страйк». Месяца три назад...

– Твоя жена меня обожает, – сказал Вирджил. – Да, доктор, это был подарок для меня, сделанный без всякого подтекста. Так что успокой свое разгоряченное воображение. Кэти мной не интересуется. Впрочем, от этого были бы одни проблемы. Женщин я могу иметь множество, зато хирургов-трансплантологов... гм... – Он задумался. – Хотя, если как следует прикинуть, их я тоже могу иметь сколько угодно.

– В точности то же самое я сказал сегодня Эрику, – подтвердил Джонас и подмигнул доктору, который стоически промолчал.

– Но мне нравится Эрик, – продолжал Вирджил. – Он очень спокойный человек. Только взгляни на него. Достойный, рассудительный, хладнокровный в любой трудный момент. Я много раз видел его за работой, Джонас, так что мне это хорошо известно. Он готов вскочить с постели в любую пору дня и ночи. Такое сейчас редко встречается.

– Ты ему за это платишь, – отрезала Филлис, как всегда, малоразговорчивая и замкнутая, но симпатичная внучатая племянница Вирджила, член правления корпорации.

Она напоминала сообразительного хищника, совсем как старик, хотя была полностью лишена экстравагантности, свойственной ему. С точки зрения Филлис, жизнь делилась на бизнес и прочую чушь. Эрику пришло в голову, что если бы она наткнулась на Химмеля, то это означало бы конец его тележкам. В мире Филлис не существовало места для безвредных чудачков. Чем-то она напомнила ему Кэти. Как и его жена, эта особа выглядела довольно привлекательно, носила длинную косу цвета ультрамарина, модного в данный момент, который подчеркивали вращающиеся серьги. Кроме того, в ее носу блестело кольцо, знак принадлежности к высшим кругам буржуазии, что не слишком нравилось доктору.

– Какова цель этой конференции? – спросил Эрик у Вирджила Эккермана. – Может, нам прямо сейчас начать обсуждение, чтобы не тратить времени?

– Это развлекательная прогулка, – ответил Вирджил. – Шанс сбежать от неприятностей, в которых мы погрязли. В Ваш-тридцать пять у нас будет гость. Возможно, он уже ждет. Я выпустил его в свою страну детства, впервые позволив кому бы то ни было свободно ее посещать.

– Кто это? – спросил Харв. – Ведь Ваш-тридцать пять формально является собственностью корпорации, а мы – члены ее правления.

– Наверняка Вирджил проиграл этому типу все свои подлинные вкладыши для жевательной резинки из серии «Ужасы войны», – язвительно заметил Джонас. – Что ему еще оставалось, кроме как открыть для него врата своего рая?

– Я никогда не бросаюсь своими вкладышами. Ни «Ужасами войны», ни «ФБР», – возразил Вирджил. – Кстати, у меня есть дубликат «Гибели Паная»². Мне его подарил на день рождения Итон Хэмбро – ну, знаете, тот болван, председатель правления «Манфрекс Энтерпрайзес». Мне казалось, уже все знают, что у меня полный комплект вкладышей, но, видимо, до Хэмбро это еще не дошло. Ничего удивительного, что парни Френексы управляют сейчас за него шестью фабриками.

– Расскажи нам про Ширли Темпл³ в «Маленьком мятежнике», – скучающим тоном попросила Филлис, продолжая разглядывать звездную панораму за иллюминатором. – Как она...

– Ты же уже видела, – раздраженно прервал ее Вирджил.

² Речь идет о вкладыше от жевательной резинки из серии «Ужасы войны». На нем изображено нападение японцев на американскую канонерскую лодку «Панай» на реке Янцзы в 1937 году.

³ Ширли Темпл (род. 1928) – американская актриса, сделавшая карьеру в кино в детском возрасте в 30–40 гг. прошлого века.

– Да, но мне это никогда не наскучит, – ответила Филлис. – Что бы я ни делала, этот фильм меня захватывает вплоть до самого последнего грустного кадра. – Филлис повернулась к Харву. – Дай зажигалку.

Эрик встал с кресла и направился в салон небольшого корабля. Он сел за столик и взял карту напитков. У него пересохло в горле. Взаимный обмен колкостями между Эккерманами всегда вызывал у него тупое чувство жажды, ему сразу же требовалась некая живительная жидкость.

«Возможно, какой-нибудь заменитель первородного молока, Urmilch des Lebens. Я тоже заслужил свою страну детства», – отчасти в шутку подумал он. Но только отчасти.

Вашингтон тысяча девятьсот тридцать пятого года не представлял особого интереса ни для кого, кроме Вирджила Эккермана, поскольку только он и помнил подлинный город, время и место, давно переставшие существовать. Поэтому Ваш-35 в каждой своей детали представлял собой тщательно выполненную реконструкцию вполне конкретного, ограниченного, знакомого Вирджила мира его детства. Подлинность искусственного города постоянно совершенствовала добытчица старинных вещей, Кэти Свитсент, но на самом деле он практически не менялся, словно сгусток, приклеившийся к мертвому прошлому. Так, по крайней мере, воспринимали его остальные члены клана Эккерманов. Но для Вирджила этот макет, естественно, был живительным источником. Там старик расцветал, пополнял иссякающие запасы биохимической энергии, после чего возвращался в настоящее, в мир сегодняшнего дня. Он прекрасно его понимал и ловко им манипулировал, но психологически чувствовал себя в нем чужим.

Его гигантская страна детства положила начало новой моде. Другие ведущие промышленники и финансисты – или, говоря откровенно, военные спекулянты – тоже создали не столь обширные, но не менее реалистичные модели миров своего детства. Страна Вирджила перестала быть единственной в своем роде. Конечно, ни одна другая не могла сравниться с ней по сложности и аутентичности. В них использовались подделки старинных предметов, являвшиеся лишь приближенной копией того, что когда-то было оригинальной действительностью.

«С другой стороны, следует честно признать, что ни у кого больше не имелось в распоряжении таких денег и такого знания экономических реалий, чтобы взяться за подобное, несомненно, невероятно дорогое и, помимо всего прочего, непрактичное предприятие. Все это – среди войны, внушающей ужас. Хотя в конечном счете оно не приносит никакого вреда, чем-то похоже на то, что проделывает Брюс Химмель со своими разболтанными тележками, – подумал Эрик. – Никто от этого не погиб, чего нельзя сказать об усилиях нации, о священной войне против созданий с Проксимы».

При мысли об этом на него нахлынули неприятные воспоминания.

На Земле, в столице ООН, городе Шайенн в штате Вайоминг, находилась группа пойманных и обездвиженных ригов. Власти решили не отправлять их в лагеря военнопленных, а выставить на всеобщее обозрение. Граждане могли вволю на них таращиться. Они обсуждали смысл существования этих инопланетян с внешним скелетом и шестью конечностями, способных молниеносно перемещаться на двух или четырех ногах. Риги не обладали головным аппаратом, общались друг с другом подобно пчелам, с помощью замысловатых танцующих движений гибких усиков. При контактах с землянами и лилистарцами они использовали механических переводчиков.

Именно с их помощью зеваки задавали вопросы униженным пленникам, до недавнего времени – одни и те же, повторявшиеся с удручающей монотонностью, однако в конце концов начали появляться новые, оказавшиеся довольно зловещими, по крайней мере с точки зрения властей. Из-за этих вопросов доступ к пленным неожиданно закрыли, причем на неопределенный срок.

«Можем ли мы восстановить дружественные отношения?»

У ригов, как ни странно, имелся на это ответ, сводившийся к одной фразе:

«Живите и давайте жить другим».

Если бы прекратилась экспансия землян в систему Проксимы, то риги тоже не стали бы осаждать Солнечную систему, чего они, впрочем, раньше и не делали.

Что касается Лилистара, то риги ничего не могли сказать по его поводу. Лилистарцы были их извечными врагами, и уже слишком поздно было что-то советовать или воспользоваться чьей-то подсказкой. Во всяком случае, лилистарские советники уже успели обосноваться на Земле, якобы для борьбы со шпионажем. Неужели четвероногие риги ростом в шесть футов, похожие на муравьев, могли пробраться незамеченными по какой-нибудь нью-йоркской улице?

Однако присутствие советников с Лилистара не привлекало ничьего внимания. Лилистарцы мыслили абсолютно по-своему, но внешне их невозможно было отличить от землян.

В мустьерскую эпоху флотилия империи Лилистар прилетела с альфы Центавра в Солнечную систему, колонизировала Землю и часть Марса. Между поселенцами с обеих планет вспыхнула непримиримая ссора, разразилась долгая жестокая война, в итоге которой обе культуры скатились в мрачное варварство. Вследствие неблагоприятного климата марсианская колония в конце концов полностью вымерла, земная же пережила долгие века первобытного существования и в конце концов вернулась к цивилизации. Она была отрезана от Альфы из-за конфликта Лилистара с ригами, но снова распространилась по всей планете, развивалась и, обогащаясь знаниями, запустила на орбиту первый спутник, потом на Луну полетел беспилотник, за ним – корабль с экипажем. В конце концов колонисты вновь установили контакт с родной планетной системой, что стало венцом прогресса и вызвало немалое удивление как с той, так и с другой стороны.

– Язык проглотил? – спросила Филлис Эккерман и села рядом с Эриком в салоне, заполненном людьми.

Она улыбнулась, отчего ее худощавое лицо с изящными чертами на миг стало выглядеть по-настоящему привлекательным.

– Закажи и мне что-нибудь выпить, чтобы я смогла вынести весь этот мир мячиков на резинке, Джин Харлоу⁴, барона фон Рихтгофена⁵, Джо Луиса⁶ и... как его, черт побери, зовут? – Она зажмурилась, пытаясь вспомнить. – Вылетело из головы. А, да – Том Микс⁷. Его «Честные парни из Рэлстона». Еще этот ужасный «Рэнглер»⁸. Хлопья для завтрака. Повсюду эти чертовы крышки от коробок. Ты ведь знаешь, что нас ждет, да? Очередная встреча с сироткой Энни⁹ и ее кодовым ключом. Придется выслушать рекламу «Овалтайна», потом те цифры, которые надо записать и расшифровать, чтобы узнать, что Энни делает в понедельник. Господи!

Она нагнулась за бокалом, и Эрик не мог отказать себе в почти профессиональном удовольствии бросить взгляд ей за платье, на небольшие, четко очерченные бледные груди.

Этот вид прибавил ему хорошего настроения, и он шутливо, хотя и осторожно сказал:

– В один прекрасный день мы запишем цифры, которые поддельный диктор передаст по поддельному радио, расшифруем их с помощью кодового ключа сиротки Энни, и...

⁴ Джин Харлоу – американская актриса, секс-символ тридцатых годов.

⁵ Вальтер фон Рихтгофен по прозвищу Красный Барон – немецкий аристократ, знаменитый летчик-ас Первой мировой войны.

⁶ Джо Луис – чемпион мира по боксу среди тяжеловесов в 1937–1949 гг.

⁷ Том Микс – американский актер, звезда ранних вестернов.

⁸ «Рэнглер» – американская фирма по производству джинсов.

⁹ «Сиротка Энни» – цикл детских радиопередач тридцатых годов, спонсировавшийся фирмой по производству молочных напитков «Овалтайн».

Он мрачно подумал о том, как могло бы звучать такое сообщение.

«Подпишите сепаратный мирный договор с ригами. Немедленно».

– Знаю, – сказала Филлис и закончила за него: – «Соппротивление бесполезно, земляне. Сдавайтесь. Говорит монарх ригов. Слушайте меня, людишки! Я захватил радиостанцию в Вашингтоне и всех вас теперь уничтожу. – Она угрюмо отхлебнула из бокала на высокой ножке. – Кроме того, “Овалтайн”, который вы все пили...»

– Я вовсе не это хотел сказать. – Однако Эрик понял, что она была весьма близка к истине. – Как и вся ваша семья, ты обладаешь геном, который заставляет перебивать любого нечистокровного...

– Кого?

– Не такого, как вы, – мрачно сказал Эрик. – Вы, Эккерманы.

– Ну давай же, доктор! – В ее серых глазах вспыхнули веселые искорки. – Выкладывай, что у тебя на душе.

– Неважно. Что это за гость? – спросил Эрик.

Большие бледные глаза женщины еще никогда не казались ему столь спокойными. Они командовали и приказывали из своего внутреннего мира, полного непоколебимой уверенности и спокойствия, основанных на детальном и неизменном знании всего, что того заслуживало.

– Поживем – увидим.

Через мгновение в глазах вспыхнула новая искра, они засверкали, лицо полностью преобразилось. Губы Филлис дрожали от радостного хихиканья, почти как у девочки-подростка.

С них начали срываться злобные, издевательские слова:

– Дверь открывается, и на пороге появляется молчаливый посланник с Проксимы. Ну и вид у него!.. Толстый, скользкий, враждебный риг. Он прибыл сюда инкогнито, во что нелегко поверить, учитывая тайную полицию Френеки, всюду сующую свой нос. Этот тип уполномочен официально вести переговоры. – Она помолчала и закончила тихим монотонным голосом: – О сепаратном мире между землянами и ригами.

С мрачным выражением лица, уже без всяких искр в глазах, Филлис вяло допила содержимое бокала.

– Да, тот еще будет денек. Легко себе представить. Старик Вирджил садится напротив, как всегда широко улыбается, хрустит суставами и видит, как все его военные контракты до последней чертовой страницы идут псу под хвост. Мы возвращаемся к поддельным норкам, к дерьму летучих мышей, когда от фабрики воняло на мили вокруг. – Она коротко, язвительно рассмеялась. – Уже скоро, доктор. Можно не сомневаться.

– Как ты сама сказала, копы Френеки сразу же обрушились бы на Ваш-тридцать пять, – заметил Эрик, которому передалось ее настроение.

– Знаю. Это всего лишь фантазии, несбыточные мечты. Так что не имеет никакого значения, решит ли на самом деле Вирджил продумать и воплотить в жизнь подобный план, верно? Поскольку это ему и за миллион световых лет не удастся. Можно попробовать, но ничего все равно не выйдет.

– Ничего хорошего, – задумчиво пробормотал Эрик.

– Предатель! Хочешь оказаться в лагере для рабов?

Эрик немного подумал и осторожно начал отвечать:

– Я хочу...

– Ты сам не знаешь, чего хочешь, Свитсент. Каждый мужчина, состоящий в неудачном браке, теряет способность понимать, чего ему хочется на самом деле. Ты всего лишь маленькая вонючая скорлупка, которая пытается поступать как положено, но у нее это никогда не

получается, потому что она ни во что не вкладывает свою жалкую страдающую душонку. Только посмотри на себя! Ты сам не замечаешь, что пытаешься от меня отодвинуться.

– Вовсе нет.

– Из-за чего мы уже не касаемся друг друга, особенно бедрами. Чтоб им провалиться. Ведь и в самом деле нелегко отодвинуться друг от друга в столь тесном помещении, в этом маленьком салоне. Все-таки у тебя получилось, не так ли?

Эрик попытался сменить тему.

– Я слышал вчера по телевизору, что тот кватреолог с забавной бородой, профессор Уолд, вернулся с...

– Нет. Это не гость Вирджила.

– Тогда, может быть, Марм Хастингс?

– Этот придурок, помешанный на дао? Ты что, шутишь, Свитсент? Да? Думаешь, Вирджил стерпел бы никчемного обманщика, который... – Она изобразила неприличный жест, ткнув вверх большим пальцем, и обнажила в улыбке ослепительно белые зубы. – Может, это Ян Норс? – бросила она.

– Кто это?

Имя было Эрику знакомо. Он понимал, что данный вопрос – тактическая ошибка, но все равно его задал. Именно в этом заключалось его слабое место при общении с женщинами. Порой он позволял им командовать собой и уже не раз, особенно в самые критические моменты своей жизни, без сопротивления шел туда, куда его вели.

Филлис вздохнула.

– Фирма Яна производит все эти блестящие, стерильные и очень дорогие искусственные органы, которые ты умело пересаживаешь умирающим богачам. Хочешь сказать, доктор, что не догадываешься, кому стольким обязан?

– Знаю, – раздраженно бросил Эрик. – В последнее время столько дел, что я просто забыл, вот и все.

– Впрочем, может быть, это какой-то композитор. Как во времена Кеннеди. Может быть, Пабло Кальсас. Господи, он уже совсем старик. Может, Бетховен. Гм... – Она изобразила задумчивость. – Кажется, он и в самом деле что-то про это говорил. Людвиг ван кто-то там. Есть ли еще какой-нибудь Людвиг ван, кроме...

– Ради бога!.. – сердито прервал ее Эрик, которого утомили издевательские речи. – Хватит.

– Не зазнавайся, никакой ты не гений. Просто столетие за столетием поддерживаешь жизнь в одном уродливом старикашке.

Послышался негромкий смех, полный радости.

– Я также забочусь обо всем персонале корпорации, о восьмидесяти тысячах человек, находящихся на ключевых постах, – заявил Эрик со всем достоинством, на какое только был способен. – Собственно говоря, с Марса этого не сделаешь, так что все это приключение мне совсем не нравится. Очень даже!

«Так же как и ты», – горько подумал он.

– Ну и соотношение, – сказала Филлис. – Один хирург-трансплантолог на восемьдесят тысяч пациентов, восемьдесят тысяч на одного. Но в твоём распоряжении целая команда роботов. Может, они справятся и сами в твоё отсутствие.

– Робот есть то, что, извините, воняет, – заявил Эрик, перефразируя Т. С. Элиота¹⁰.

– А хирург-трансплантолог есть то, что, извините, пресмыкается, – ответила Филлис.

¹⁰ На самом деле это цитата из Э. Э. Каммингса: «Торговец и так есть то, что, извините, воняет».

Эрик яростно уставился на эту дамочку, без тени раскаяния продолжавшую потягивать напиток из бокала. Он ничего не мог поделать. Слишком уж много в ней было духовной силы.

В самом центре модели Ваш-35 стоял четырехэтажный кирпичный дом, в котором в детстве жил Вирджил. В нем располагалась настоящая современная квартира две тысячи пятьдесят пятого года, оборудованная всеми предметами роскоши, которыми хозяин сумел обзавестись в тяжелые военные годы. Несколькими улицами дальше находилась Коннектикут-авеню. На ней стояли магазины, которые помнил старик, в том числе «Гэммидж», где он покупал очередные номера «Тип Топ Комикс» и конфеты за пенни. Рядом Эрик заметил знакомые очертания аптеки. Здесь Вирджил в детстве купил как-то раз зажигалку и химикалии к набору «Гилберт номер пять» для выдувания стекла и химических опытов.

– Что сегодня показывают в кино «Аптаун»? – пробормотал Харв, когда корабль пролетал над Коннектикут-авеню, чтобы Вирджил мог насладиться видом своих сокровищ.

Харв всмотрелся в текст на афише – «Ангелы ада» с Джин Харлоу, которые все смотрели по крайней мере по два раза, – и глухо застонал.

– Не забудь про ту чудесную сцену, когда Харлоу говорит: «Надену, пожалуй, что-нибудь поудобнее», а потом, когда она возвращается... – напомнила ему Филлис.

– Да-да, – раздраженно отмахнулся Харв. – Согласен, мне она нравится.

Корабль пролетел над Коннектикут-авеню и приземлился перед домом три тысячи тридцать девять по Маккомбстрит, окруженным черной чугунной оградой, с небольшим газоном спереди. Однако, когда люк открылся, Эрик ощутил не городской воздух бывшей земной столицы, но разреженную и пронизывающе-холодную атмосферу Марса. Он ошеломленно остановился, судорожно глотая воздух и чувствуя тошноту.

– Придется намылить им шею за работу системы воздухообеспечения, – сказал Вирджил, спускаясь по пандусу на тротуар вместе с Джономасом и Харвом.

Похоже, данный недостаток не слишком ему мешал. Он вприпрыжку поспешил к дверям дома.

Роботы в виде маленьких мальчиков вскочили на ноги.

Один из них весьма реалистично воскликнул:

– Привет, Вирдж! Где ты был?

– Мама послала за покупками, – прокудахтал Вирджил, лицо которого лучилось радостью. – Как дела, Эрл? А папа принес мне с работы несколько отличных китайских марок. У меня есть дубли, могу поменяться.

Он остановился перед оградой и пошарил в кармане.

– Знаешь, что у меня есть? – пропищал второй маленький робот. – Сухой лед! Мне его дал Боб Руджи за то, что я разрешил ему покататься на моем самокате. Можешь поддержать, если хочешь.

– Могу поменяться на книжку, – ответил Вирджил, доставая ключи и открывая входную дверь. – Что скажешь насчет «Бака Роджерса и кометы смерти»? Здоровская вещь.

Когда остальные вышли из корабля, Филлис повернулась к Эрику.

– Предложи ребятишкам новенький календарь на тысяча девятьсот пятьдесят второй год с фотографиями Мэрилин Монро и увидишь, что они тебе за него дадут. Не меньше чем пол-леденца.

Дверь открылась, и появился припозднившийся охранник из корпорации.

– Мистер Эккерман!.. Я не заметил, что вы приехали.

Охранник провел их в темный холл, усталый коврами.

– Он уже здесь? – с внезапной тревогой спросил Вирджил.

– Да, сэр. Отдыхает в квартире. Просил, чтобы его несколько часов не беспокоили.

Охранник тоже выглядел встревоженным.

– Сколько с ним людей? – остановившись, спросил Вирджил.

– Кроме него – только помощник и двое из охраны.

– Кто хочет стаканчик холодненького? – бросил старик через плечо.

– Я, я! – крикнула Филлис, подражая его восторженному тону. – Хочу малинового лимонада. А ты, Эрик? Что скажешь насчет бурбона с лаймом или скотча с шерри? Может, в девятьсот тридцать пятом такого еще не продавали?

– Лично я хотел бы где-нибудь прилечь и отдохнуть, – сказал Харв Эрику. – Из-за этого марсианского воздуха я чувствую себя слабым словно котенок. – Лицо его посерело и покрылось мелкими пятнышками. – Почему бы ему не поставить купол с настоящим воздухом?

– Может, он специально так делает? – заметил Эрик. – Чтобы не оставаться здесь навсегда?

К ним подошел Джонас.

– Мне лично нравится это анахроничное место, Харв, – сказал он. – Я чувствую себя здесь словно в музее. – Он повернулся к Эрику. – Должен честно признаться, что твоя жена делает превосходную работу, добывая предметы из той эпохи. Послушайте это... как его... радио в той комнате.

Все прислушались. По радио шла «Бетти и Боб», старая мыльная опера из далекого прошлого. Даже на Эрика она произвела впечатление. Голоса казались совсем настоящими, живыми. Он словно действительно находился рядом с ними. Эрик понятия не имел, как Кэти удалось этого добиться.

В это мгновение появился Стив, рослый добродушный негр, вернее, его имитация, робот, исполнявший в здании роль дворника.

Он вынул изо рта трубку и вежливо кивнул вошедшим.

– Добрый день, доктор. Что-то в последнее время похолодало. Похоже, ребятишки скоро начнут кататься на санках. Мой Джордж тоже копит на санки. Он сам мне только что говорил.

– Дам ему доллар тридцать четвертого, – сказал Ральф Эккерман, достал бумажник и вполголоса бросил Эрику: – Может быть, наш папаша Вирджил вообразил, что дети цветных не имеют права на санки?

– Не беспокойтесь, мистер Эккерман, – покачал головой Стив. – Джордж заработает себе на санки, ему не нужны чаевые, только настоящая плата за работу.

Темнокожий робот, полный достоинства, удалился.

– Чертовски убедительно, – заметил Харв.

– Это точно, – кивнул Джонас и вздрогнул. – Господи, только подумать, что этого человека нет в живых уже лет сто. Тяжело все время помнить, что мы на Марсе, а не на Земле, даже в наше время... Не нравится мне это. Предпочитаю, когда все на самом деле такое, каким кажется.

Эрику пришла в голову одна мысль.

– А ты имеешь что-то против прослушивания записей симфонической музыки дома по вечерам?

– Нет, но это совсем другое дело, – ответил Джонас.

– Неправда, – возразил Эрик. – Там нет ни оркестра, ни изначальных звуков. Зал, в котором сделана запись, давно погрузился в тишину. У тебя есть только тысяча двести футов ленты, покрытой окисью железа и намагниченной определенным образом. Точно такая же иллюзия. Только здесь она полная.

«Что и требовалось доказать, – мысленно подытожил он и направился к лестнице. – Мы ежедневно кормимся иллюзиями. Они вошли в нашу жизнь, когда первый бард спел первую эпопею о некоей давно свершившейся битве. “Илиада” – такая же имитация, как и

эти маленькие роботы, обменивающиеся во дворе марками. Людям всегда хотелось сохранить прошлое в каком-то убедительном виде. В этом нет ничего плохого. Без этого не существует непрерывность, остается лишь текущий момент. А настоящее, лишенное прошлого, не имеет практически никакого значения. Возможно, что к тому же сводятся и мои проблемы с Кэти, – думал он, поднимаясь по лестнице. – Я не помню нашего общего прошлого, тех времен, когда мы добровольно жили друг с другом... Теперь наша жизнь превратилась в вынужденное существование, бог знает каким образом оторванное от прошлого. Ни я, ни она этого не понимаем. Мы не в состоянии постичь ни смысл, ни механизм того, каким образом все это действует. Будь у нас память получше, мы могли бы превратить наш союз в нечто такое, что мы сумели бы понять. Возможно, это первые жуткие признаки старости, – подумал Эрик. – А ведь мне всего тридцать четыре года!»

– Заведи со мной роман, доктор, – сказала Филлис, которая стояла на лестнице, дожидаясь его.

– У тебя самые прекрасные на свете зубы, – прошептал он.

– Ответь.

– Я... – Он задумался над ответом.

«Можно ли вообще ответить на такое словами? Но ведь ее предложение было явно облечено в слова, не так ли? И пусть Кэти, которая все видит, горит ясным пламенем».

Доктор чувствовал, как Филлис пристально смотрит на него огромными, похожими на звезды глазами.

– Гм... – неуверенно пробормотал он, чувствуя себя маленьким и несчастным и в точности зная, чего не следует делать.

– Ведь тебе это нужно, – настаивала Филлис.

– Э... – снова промямлил Эрик, ощущая, как ее взгляд проникает в самые дальние закоулки его никчемной души.

Филлис добралась до нее и вертела ею как хотела. Черт бы ее побрал! Она обо всем догадалась и говорила правду. Он ненавидел ее и вместе с тем хотел оказаться с ней в постели. Конечно, она знала обо всем. Это было видно по его лицу и не могло укрыться от ее проклятых огромных глаз, которых не могло быть ни у кого из смертных.

– Без этого ты пропадешь, – продолжала Филлис. – Без настоящего, спонтанного, радостного, чисто физического...

– Один шанс на миллиард, что мне это сойдет с рук, – выдавил он и неожиданно каким-то чудом заставил себя улыбнуться. – Даже то, что мы стоим здесь, на этой чертовой лестнице, – безумие. Но разве тебя это хоть сколько-нибудь волнует?

Доктор обошел ее и начал подниматься дальше, на второй этаж.

«Тебе-то терять нечего, – подумал он. – Зато мне есть что. Ты справишься с Кэти точно так же, как и со мной, дергая за леску, на конце которой я болтаюсь».

Дверь в современную квартиру Вирджила была открыта. Хозяин уже вошел внутрь. Остальные двинулись за ним. Сперва, естественно, клан Эккерманов, а затем обычные высокопоставленные чиновники фирмы.

Эрик вошел и увидел гостя Вирджила.

Человек, для встречи с которым они сюда прилетели, полулежал на кровати. Лицо его ничего не выражало, губы распухли и посинели, глаза неподвижно смотрели в пустоту. Это был Джино Молинали, высший избранный руководитель объединенной цивилизации Земли, главнокомандующий ее вооруженными силами в войне с ригами.

Его ширинка была расстегнута.

3

В обеденный перерыв Брюс Химмель, ответственный за последний этап контроля качества на главном конвейере корпорации «Меха и красители», покинул свое рабочее место и, шаркая ногами, отправился по улицам Тихуаны в кафешку, где обычно питался, поскольку там было дешево и не требовалось особого общения. Небольшое желтое деревянное здание втиснулось между двумя магазинами тканей, сделанными из кирпича, выгоревшего на солнце. Здесь, в «Ксанфе», собирались разнообразные работяги и чудаки, обычно в возрасте под тридцать, по виду которых невозможно было понять, чем они зарабатывают на жизнь. По крайней мере, они оставляли Химмеля в покое, а больше ему ничего и не требовалось. Собственно говоря, только это и нужно было ему от жизни. Как ни странно, она готова была пойти с ним на подобную сделку.

Химмель сидел в глубине зала, черпал ложкой бесформенное чили и отрывал куски клейкого белого хлеба, когда увидел, что в его сторону идет англосакс с растрепанными волосами, в кожаной куртке, джинсах, высоких сапогах и перчатках. Казалось, будто он явился из какой-то совсем другой эпохи. Это был Кристиан Плаут, который ездил по Тихуане на древнем такси с турбинным двигателем, скрываясь в Южной Калифорнии уже лет десять, с тех пор как повздорил с властями Лос-Анджелеса по поводу торговли капстеном, наркотиком, получаемым из мухоморов. Химмель был с ним немного знаком, поскольку Плаут тоже слегка помешался на даосизме.

– *Salve, amicus*¹¹, – нараспев произнес Плаут, усаживаясь напротив Химмеля.

– Привет, – буркнул Химмель, рот которого был набит невыносимо острым чили. – Что слышно?

Плаут всегда знал самые свежие новости. Он целый день катался на такси по Тихуане, встречался с самыми разными людьми. Когда случалось что-то интересное, Плаут обязательно оказывался тому свидетелем и по мере возможности извлекал из ситуации ту или иную пользу. Его жизнь состояла из разнообразных и весьма подозрительных занятий.

– Слушай. – Плаут наклонил к Химмелю серое как песок, иссохшее лицо, сосредоточенно сморщил лоб. – Видишь?

Из его сжатого кулака выпала маленькая капсула и покатилась по столу. Он молниеносно накрыл ее ладонью, и она исчезла столь же быстро, как и появилась.

– Вижу, – кивнул Химмель, не отрываясь от еды.

Плаут вздрогнул и прошептал:

– Хи-хи, хо-хо! Это йот-йот-сто восемьдесят.

– Что такое? – мрачно спросил Химмель.

Ему вдруг захотелось, чтобы Плаут убрался из «Ксанфа» и занялся чем-нибудь другим.

– Йот-йот-сто восемьдесят, – едва слышно повторил Плаут и сгорбился так, что они едва не касались друг друга головами. – Это немецкое название средства, которое в Северной Америке войдет на рынок под именем «фрогедадрин». Его производит одно немецкое химическое предприятие под прикрытием некоей аргентинской фармацевтической фирмы. В Штаты с ним не пробиться. Даже здесь, в Мексике, его нелегко достать. Хочешь верь, хочешь нет.

Он улыбнулся, показав неровные пожелтевшие зубы.

Химмель в очередной раз с отвращением заметил, что даже язык у Плаута имеет какой-то странный, неестественный оттенок, отвернулся и сказал:

– Мне казалось, что в Тихуане можно достать что угодно.

¹¹ Привет, друг (лат.).

– Мне тоже. Потому я так и заинтересовался этим йот-йот-сто восемьдесят и раздобыл его.

– Ты уже пробовал?

– Попробую сегодня вечером. Дома. У меня есть пять капсул. Одна для тебя, если пожелаешь.

– Как он действует? – Почему-то это казалось Химмелю существенным.

– Как галлюциноген, – ответил Плаут, покачиваясь в некоем своем внутреннем ритме. – Но это еще не все. Хи-хи, хо-хо, фик-фик.

Глаза его остекленели. Он ушел в себя, блаженно улыбаясь. Химмель подождал, пока таксист вернется к реальности.

– Действие зависит от человека. Это как-то связано с ощущением того, что Кант назвал категориями восприятия. Усек?

– То есть с ощущением времени и пространства, – кивнул Химмель, читавший «Критику чистого разума», которая была вполне в его стиле как по содержанию, так и по образу мыслей.

В своей маленькой квартирке он хранил ее экземпляр в мягкой обложке, весь исчерканный карандашом.

– Именно! В особенности он меняет восприятие времени. То есть его следовало бы назвать наркотиком времени, верно? – Похоже, Плаут восхищался собственной сообразительностью. – Первый наркотик времени или, скорее, псевдовремени. Если, конечно, ты сам веришь в то, что переживаешь.

– Мне пора на работу, – заявил Химмель и встал.

Плаут удержал его.

– Пятьдесят баксов. Американских.

– В смысле?

– За капсулу. Это редкая штука, старик. Я первый раз ее вижу. – Плаут снова на секунду опустил капсулу на стол. – Мне жаль с ней расставаться, но только прикинь, что тебе предстоит пережить! Мы найдем свое дао, все пятеро. Разве такая возможность во время этой чертовой войны не стоит пятидесяти баксов? Может, тебе больше не удастся увидеть йот-йот-сто восемьдесят. Мексиканские копы готовятся перехватить груз из Аргентины, или откуда его там везут. А они дело свое знают.

– Неужели он в самом деле так отличается от...

– Конечно! Послушай, Химмель. Знаешь, что я только что едва не переехал? Одну из этих твоих тележек. Я мог спокойно ее раздавить, но удержался. Постоянно их вижу, мог бы уничтожить сотни. Каждые несколько часов я проезжаю мимо корпорации. Но речь о другом. Власти Тихуаны спрашивали меня, знаю ли я, откуда берутся эти чертовы тележки. Я сказал, что не знаю. Но бог свидетель, если вечером мы не сольемся с дао, то я могу...

– Ладно, – простонал Химмель. – Куплю у тебя капсулу.

Он полез за бумажником, считая все это полной чушью и ничего на самом деле не ожидая взамен истраченных денег. Вечер станет лишь одной большой мистификацией.

Он не знал, насколько ошибается.

Джино Молилари, главнокомандующий Земли в войне с ригами, как обычно, был одет в мундир цвета хаки, с одним-единственным военным украшением на груди – Золотым крестом первой степени, которым Генеральная ассамблея ООН наградила его пятнадцать лет назад. Доктор Эрик Свитсент заметил, что Молилари небрит. Нижнюю часть лица покрывала щетина, испещренная пятнами грязи и чего-то похожего на сажу. Кроме расстегнутой ширинки у него еще были развязаны шнурки на ботинках.

«Отвратительное зрелище», – подумал Эрик.

Молилари ни разу не поднял голову, бессмысленное выражение не покидало его лица, пока все входили в комнату, замечали такую картину и судорожно сглатывали слюну. На первый взгляд казалось, будто он болен и измучен. Общественное мнение в этом смысле нисколько не ошибалось.

Эрик с удивлением понял, что на самом деле Мольт выглядит в точности так, как в последний раз по телевидению, – нисколько не величественнее, не сильнее и не властнее. Подобное казалось невозможным, но именно так оно и было. Несмотря ни на что, он оставался у власти, с точки зрения закона сохранял свой пост и не уступал его никому, по крайней мере из землян.

Эрику вообще вдруг стало ясно, что Молилари не собирался отказываться от своего поста, несмотря на явно ухудшающееся состояние как физического, так и душевного здоровья. Отчего-то доктор считал это очевидным. Возможно, сказалась готовность лидера появиться в подобном состоянии перед достаточно влиятельными людьми. Мольт оставался самим собой, не пытался строить из себя военного героя.

«Или он скатился столь низко, что ему уже на все наплевать, или у него столько понастоящему важных дел, что вождь решил не морочить себе голову такой ерундой, как впечатление, производимое им на других, особенно на обитателей его собственной планеты. Моля это нисколько не волнует. Что и к лучшему, а может, и к худшему», – размышлял Свитсент.

– Ты врач, – прошептал Эрику Вирджил Эккерман. – Спроси его, нужна ли ему медицинская помощь.

Вид у него тоже был несколько озабоченный.

«Вот зачем ты меня сюда притащил, – подумал врач, глядя на Вирджила. – Все специально подстроено. Все остальное – лишь прикрытие, чтобы обмануть лилистарцев. Теперь я понимаю, в чем дело и чего от меня хотят. Я знаю, кого должен вылечить. Вот человек, для которого в данный момент существуют все мои умения и таланты. Ни для кого другого!.. Вот в чем дело».

Он наклонился и пробормотал:

– Господин Генеральный секретарь...

Голос его дрогнул. Не из-за тревоги, ибо мужчина, полулежащий перед ним, явно не вызывал подобных чувств, но из-за того, что он просто не знал, что сказать человеку, занимающему такой пост.

– Я врач, – наконец сообщил Эрик и тут же сообразил, что его слова прозвучали слишком неконкретно. – Специалист-трансплантолог. – Он замолчал, но не дождался никакого ответа, ни видимого, ни слышимого. – Пока вы находитесь в Ваш...

Внезапно Мольт поднял голову. Взгляд его стал ясным.

Он уставился на Эрика, а потом неожиданно заговорил хорошо знакомым низким голосом:

– Черт побери, доктор, ничего со мной не случилось. – Генсек понимающе улыбнулся. – Давайте веселиться! Жить в стиле тысяча девятьсот тридцать пятого года! Тогда был сухой закон? Нет, кажется, раньше. Выпейте пепси-колы.

– Я как раз хотел попробовать малинового лимонада, – слегка осмелев, сказал Эрик. Сердце его снова начало биться в нормальном ритме.

– Неплохой городишко построил тут себе старик Вирджил, – весело заметил Молилари. – Я воспользовался случаем и присмотрелся к нему получше. Следовало бы национализировать весь этот цирк. На него пошло слишком много частного капитала, который должен был быть отдан на военные цели.

Под полушутливой оболочкой таилась смертельная серьезность. Этот замысловатый макет явно сбил его с толку. Как было известно всем жителям Земли, Молилари вел аскети-

ческий образ жизни, изредка перемежавшийся разнузданным сибаритством. Однако знатоки говорили, что в последнее время подобное случается все реже.

– Это доктор Эрик Свитсент, – сообщил Вирджил Эккерман. – Пожалуй, самый лучший хирург-трансплантолог на Земле. Как вам хорошо известно из личного дела, хранящегося в штаб-квартире, за последние десять лет он вживил в меня двадцать пять – или двадцать шесть? – искусственных органов. Но я хорошо за это плачу. Он каждый месяц получает солидное жалованье. Хотя и не столь большое, как его любящая жена.

Он широко улыбнулся Эрику. Его вытянутое лицо, лишенное мышц, лучилось отеческим теплом.

– Не могу дождаться, когда пересажу Вирджилю новый мозг, – после некоторой паузы сказал Эрик, обращаясь к Молинару.

Его удивило раздражение, звучавшее в собственном голосе. Вероятно, оно было вызвано упоминанием о Кэти.

– Несколько мозгов уже ждут своей очереди. Есть и вполне неплохие думалки.

– Думалки, – повторил Молинару. – Не поспеваю я за этим новым жаргоном. Слишком занят в последнее время. Чересчур много официальных документов, разговоров с представителями власти... Черт бы побрал эту нашу войну, да, доктор?

Он уставился на Эрика большими темными глазами, полными боли. Тот увидел в них нечто такое, чего раньше никогда не встречал, – необычную нечеловеческую силу и скорость реакции, наверняка обусловленную неким исключительным расположением нервных путей. Взгляд Моля властностью и пронизательностью превосходил все то, на что были способны обычные люди. Именно в этом, по мнению Эрика, и состояла вся разница между Генсеком и остальными землянами. Главный канал, связывавший сознание с внешним миром – зрение, был у Моля настолько развит, что с его помощью он выхватывал и останавливал все, что попадалось на его пути.

Именно она, эта сила, и поддерживала в Моле жизнь.

Внезапно Эрик понял то, чего не осознавал за все мучительные, страшные годы войны. Моль был их предводителем во все времена, на всех этапах эволюции человечества. Всегда и везде.

– Любая война тяжела для ее участников, господин секретарь, – осторожно и тактично начал Эрик, немного помолчал и добавил: – Мы все это понимали, когда решились принять в ней участие. Это тот риск, на который идут люди или планета, когда добровольно вступают в древний жестокий конфликт, давно длящийся между двумя другими народами.

Наступила тишина. Молинару испытующе смотрел на него, не говоря ни слова.

– Лилистарцы принадлежат к нашей расе, – продолжал Эрик. – Мы ведь родственны им генетически, так?

Снова наступило молчание, бессловесная пустота, которую никому не хотелось заполнять.

В конце концов Моль задумчиво пукнул.

– Расскажите Эрику про свои боли в желудке, – посоветовал ему Вирджил.

– Про мои боли, – повторил Моль и поморщился.

– Нас всех собрали для того, чтобы... – начал Эккерман.

– Да, – отрывисто рявкнул Моль, кивая огромной головой. – Знаю. И вы все тоже знаете. Именно для этого.

– Точно так же, как в налогах и профсоюзах, я уверен в том, что доктор Свитсент вам поможет, – сказал Вирджил. – Мы перейдем в квартиру по другую сторону коридора, чтобы вы могли поговорить наедине.

Он тактично удалился. За ним следом двинулись члены клана Эккерманов и чиновники фирмы, оставив Эрика Свитсента наедине с Джино Молинару.

– Ладно, – помолчав, сказал Эрик. – Опишите мне свои желудочные боли, господин секретарь.

Как ни в чем не бывало – в любом случае пациент есть пациент – доктор Свитсент уселся в мягкое кресло напротив Генерального секретаря ООН, принял профессиональную позу и стал ждать ответа.

4

Когда вечером Брюс Химмель карабкался по шаткой деревянной лестнице, поднимаясь в квартиру Криса Плаута в мрачной мексиканской части Тихуаны, в темноте за его спиной раздался женский голос:

– Привет, Брюси. Похоже, у нас сегодня вечеринка сотрудников корпорации. Саймон Илд тоже здесь.

Женщина догнала его у дверей. Это оказалась весьма сексуальная и острая на язык Кэти Свитсент. Он уже несколько раз встречал ее у Плаута, так что не слишком удивился. Не поразило его и то, что миссис Свитсент была одета несколько иначе, чем на работе. На сегодняшнее таинственное мероприятие Кэти явилась голая до пояса, естественно, за исключением сосков, не столько позолоченных в точном смысле этого слова, сколько покрытых некоей пленкой из живой материи – какой-то марсианской формой жизни. В итоге оба они обладали собственным сознанием и живо реагировали на происходящее.

На Химмеля ее вид произвел ошеломляющее впечатление.

Следом за Кэти Свитсент поднимался Саймон Илд. В полутьме казалось, будто его глуповатое прыщавое лицо ничего не выражает. Только этого прикурка Химмелю и не хватало. Больше всего, увы, тот напоминал его самого, что для него было просто невыносимо.

Четвертого человека, который ждал в неотопливаемой комнате с низким потолком в захлавленной и провонявшей зачерствевшей едой квартире Криса Плаута, Химмель узнал сразу же и не мог оторвать от него взгляда. Этот мужчина был знаком ему по фотографиям на задних обложках книг. Перед ним стоял авторитет в вопросах даосизма из Сан-Франциско, Марм Хастингс, бледный очкарик с тщательно причесанными длинными волосами, в дорогой изысканной одежде с Ио. Вид у него был явно смущенный.

Химмель знал, что многочисленные книги на тему восточного мистицизма принесли этому худошавому, но необычно красивому человеку сорока с небольшим лет внушительный капитал. Зачем он сюда явился? Наверняка для того, чтобы попробовать йот-йот-180. Хастингс прославился своим стремлением испытать на себе любой существующий галлюциноген, как легальный, так и нелегальный. Для него это был вопрос религии.

Но насколько знал Химмель, Марм Хастингс никогда до сих пор не появлялся в квартире Криса Плаута в Тихуане.

«И что это должно означать?» – размышлял Брюс, стоя в углу и наблюдая за происходящим.

Хастингс сосредоточился на библиотеке Плаута, посвященной наркотикам и религии. Присутствующие его совершенно не интересовали. Он их даже будто бы презирал.

Саймон Илд, как обычно, сидел, скрестив ноги, на подушке, брошенной на пол. Он раскурил коричневый косяк марихуаны и лениво затанулся, дожидаясь Криса.

Кэти Свитсент присела на корточки, машинально поглаживая колени, словно прихорашивающаяся муха. Она будто приводила свое худошавое мускулистое тело в состояние готовности, возбуждала его, как решил в конце концов Химмель, размеренными движениями, похожими на упражнения йоги.

Брюс смущенно отвернулся. Ее поведение явно не соответствовало возвышенной атмосфере встречи. Однако до миссис Свитсент не доходили никакие слова. Эта женщина вела себя так, будто страдала аутизмом.

Из кухни вышел Крис Плаут в красном халате и босиком. Он внимательно огляделся вокруг сквозь темные очки, словно пытаясь сообразить, можно ли уже начинать.

– Марм, Кэти, Брюс, Саймон и я, Кристиан, – всего пятеро. Мы отправляемся в неизведанные края с помощью нового вещества, которое только что добралось до нас из Тампико на борту судна с бананами. Вот оно.

Он протянул руку. На раскрытой ладони лежали пять капсул.

– По одной каждому из нас, для Кэти, Брюса, Саймона, Марма и меня, Кристиана. Наше первое совместное духовное путешествие. Вернемся ли мы? Преобразимся ли, как говорит Моток?

«Как говорит Клинт Мотку», – мысленно поправил его Химмель.

– «Господь с тобой, Моток! Тебя преобразили»¹², – сказал он вслух.

– Что, извините? – спросил Крис Плаут, наморщив лоб.

– Это просто цитата, – объяснил Химмель.

– Хватит, Крис, – сердито бросила Кэти Свитсент. – Давай товар, и начнем. – Ей удалось схватить одну капсулу с ладони Криса. – Я первая. Без воды.

– Интересно, без воды эффект будет такой же? – негромко спросил Марм со своим якобы британским акцентом.

Не двигая глазами, он сумел внимательно рассмотреть женщину. Химмель заметил это по тому, как Марм внезапно напрягся.

«Неужели даже здесь нельзя обойтись без плотских желаний?» – возмутился он.

– Такой же, – заявила Кэти. – Все точно так же. Когда продираешься в абсолютную реальность, все превращается в одно большое размытое пятно.

Она глотнула и откашлялась. От капсулы не осталось и следа.

Химмель потянулся за своей, за ним остальные.

– Если нас поймает полиция Моля, то всех заберут в армию и пошлют на фронт, – сказал Саймон, не обращая ни к кому конкретно.

– Или в трудовые лагеря на Лилистаре, – добавил Химмель.

Все напряженно ждали результатов действия наркотика, как обычно в те короткие секунды, прежде чем снадобье ударит в голову.

– Трудиться на старого доброго Френекси. Моток, тебя преобразили в премьер-министра.

Он нервно захихикал. Кэти Свитсент яростно уставилась на него.

– Прошу прощения, мисс, – невозмутимо обратился к ней Марм Хастингс. – Мы никогда с вами не встречались? Мне кажется, будто я откуда-то вас знаю. Вы часто бываете в окрестностях Сан-Франциско? У меня там мастерская и дом на холмах Вест-Марин, возле океана, спроектированный хорошим архитектором. Мы часто проводим семинары, там бывает множество людей. Но вас бы я запомнил, о да.

– Мой чертов муженек никогда не позволил бы мне ничего подобного, – ответила Кэтрин Свитсент. – Я сама себя обеспечиваю, финансово более чем независима и все равно вынуждена терпеть его нарекания и жалобы, как только пытаюсь хоть что-либо сделать сама. Я занимаюсь скупкой антиквариата, – добавила она. – Но старье мне уже наскучило. Хотелось бы...

Ее перебил Марм Хастингс, обращаясь к Крису Плауту:

– Откуда взялся этот йот-йот-сто восемьдесят? Ты, кажется, говорил что-то про Германию. У меня есть свои связи в государственных и частных фармацевтических фирмах этой страны. Там никто ни словом не обмолвился о чем-либо под названием йот-йот-сто восемьдесят.

Он язвительно улыбнулся, ожидая ответа.

– По-моему, это какие-то отходы, Хастингс, – пожал плечами Крис. – Какая разница?

¹² Шекспир У. Сон в летнюю ночь. Перевод М. Лозинского.

Плаут не хуже других знал, что в данных обстоятельствах не может и не обязан ничего гарантировать.

– Или он вовсе не из Германии, – сказал Хастингс и едва заметно кивнул. – Понятно. Не может ли так называемый йот-йот-сто восемьдесят, или, если кому-то больше нравится, ффрогедадрин, иметь внеземное происхождение?

– Не знаю, Марм, – помолчав, ответил Крис. – Понятия не имею.

Хастингс обратился ко всем менторским строгим тоном:

– Истории известны примеры внеземных наркотиков, запрещенных законом. Ни один из них не сыграл особой роли. Обычно их вырабатывали из марсианской флоры, иногда из ганимедских лишайников. Думаю, вы про них слышали. Вы все производите впечатление людей, достаточно информированных в данной области, как оно и должно быть. – Губы его растянулись в улыбке, но глаза за стеклами очков без оправы оставались холодными, словно у рыбы. – По крайней мере, вам достаточно сведений о происхождении йот-йот-сто восемьдесят, за который вы заплатили этому человеку пятьдесят американских долларов.

– Мне достаточно, – ни с того ни с сего заявил Саймон Илд. – Впрочем, уже слишком поздно. Мы заплатили Крису и проглотили капсулы.

– Верно, – рассудительно кивнул Хастингс и уселся в одно из шатающихся мягких кресел Криса. – Вы уже чувствуете какие-то перемены? Пожалуйста, говорите, как только что-то начнет происходить. – Он посмотрел на Кэтрин Свитсент. – Твои соски за мной наблюдают или мне это только кажется? Так или иначе, но я очень неловко себя чувствую.

– Честно говоря, я уже что-то ощущаю, Хастингс, – напряженно проговорил Крис Плаут и облизал губы. – Прошу прощения, но... на самом деле я тут один. Со мной нет никого из вас.

Марм Хастингс внимательно посмотрел на него.

– Да, – продолжал Крис. – Я совсем один в квартире. Никого из вас тут нет. Зато есть книги, кресла и все остальное. Собственно, кому я все это говорю? Вы мне как-то ответили?

Плаут огляделся по сторонам, но ясно было, что он не видел никого из них.

– Мои соски не смотрят ни на тебя, ни на кого другого, – заявила Кэти Хастингсу.

– Ничего не слышу. – В голосе Криса чувствовалась паника. – Ответьте мне!

– Мы здесь, – сказал Саймон Илд и захихикал.

– Пожалуйста, – умоляюще простонал Крис. – Скажите что-нибудь. Я вижу только безжизненные тени, одни мертвые предметы. Это лишь начало. Я даже боюсь подумать, что будет дальше. Оно все еще продолжается.

Марм Хастингс положил руку на плечо Криса Плаута. Она прошла сквозь тело.

– Что ж, это стоило пятидесяти долларов, – тихо и бесстрастно произнесла Кэти, подходя к Крису.

– Лучше не пытайся, – мягко посоветовал ей Хастингс.

– А я попытаюсь, – ответила она, прошла сквозь Криса Плаута, но по другую сторону не появилась, попросту исчезла.

Остался только Плаут, который продолжал скулить, чтобы ему ответили, размахивал руками в поисках товарищей, увидеть которых он уже не мог.

«Изоляция, – подумал Брюс Химмель. – Каждый из нас отрезан от остальных. Кошмар. Но... это пройдет. Разве не так?»

Пока что он не был в этом уверен. А ведь для него все только начиналось.

– Эти боли! – простонал Генеральный секретарь ООН Джино Молилари, снова лежа на огромном красном диване ручной работы в гостиной апартаментов Вирджила Эккермана в Ваш-35. – Обычно они больше всего беспокоят меня по ночам. – Он закрыл глаза, его большое мясистое лицо уныло обмякло, небритые щеки дрожали. – Меня уже обследовали.

Мой официальный врач – доктор Тигарден. Меня подвергли тщательному обследованию, обращая особое внимание на злокачественную опухоль.

«Он цитирует по памяти, – подумал Эрик. – Обычно Моль так не говорит. Он этим просто поглощен, проделывал этот ритуал тысячи раз с тысячами врачей и все равно до сих пор страдает».

– Злокачественную опухоль не обнаружили, – добавил Молинари. – Этот факт можно считать установленным.

Его слова выглядели сатирой на помпезный врачебный жаргон. Моль откровенно ненавидел медиков, поскольку они ничем не могли ему помочь.

– Самый частый диагноз – острый гастрит, спазм предсердного клапана или даже истерическое воспроизведение родовых болей моей жены, которые она испытала три года назад. Незадолго до своей смерти, – вполголоса закончил он.

– Как выглядит ваша диета? – спросил Эрик.

Моль устало открыл глаза.

– Диета? Я ничего не ем, доктор, питаюсь воздухом. Разве вы не читали об этом в гомеогазетах? В отличие от вас, простых смертных, я не нуждаюсь в пище. Я другой.

В голосе его звучала неподдельная грусть.

– Такое состояние мешает вам исполнять свои обязанности? – спросил Эрик.

Моль испытующе посмотрел на него.

– Вы считаете, что оно имеет психосоматическую природу, как утверждает вышедшая из моды лженаука, пытавшаяся взвалить на людей моральную ответственность за их болезни?

Он со злостью сплюнул. Лицо Генсека исказилось и напряглось, словно что-то распирало его изнутри.

– Что я прячусь от своих обязанностей? Послушайте, доктор, они остаются со мной точно так же, как и боль. Можно ли это назвать дополнительным психологическим преимуществом?

– Нет, – согласился Эрик. – Впрочем, так или иначе, у меня нет квалификации в области психосоматической медицины. Вам следует обратиться к...

– Уже обращался, – ответил Моль.

Неожиданно он неуклюже поднялся на ноги, пошатнулся и встал перед доктором Свитсентом.

– Позовите сюда Вирджила. Вам нет никакого смысла тратить на меня время. Впрочем, я тоже не испытываю ни малейшего желания подвергаться допросу. Мне это безразлично.

Он неуверенно направился к двери, подтягивая обвисшие брюки.

– Надеюсь, вы понимаете, господин секретарь, что существует возможность удалить желудок, – сказал Эрик. – В любой момент. На его место можно пересадить искусственный. Операция простая, она почти всегда удаётся. Я не знаю историю вашего случая. Мне не следовало бы этого говорить, но вполне возможно, что вскоре вам все же придется подвергнуться операции замены желудка. Несмотря на риск.

Эрик был уверен, что Молинари выживет. Страхи Джино носили явно выраженный характер фобии.

– Ни в коем случае, – спокойно ответил тот. – Ничего мне не придется. Таков мой выбор. Вместо этого я могу умереть.

Эрик вытаращил глаза.

– Само собой, – продолжал Молинари. – Несмотря на мой пост Генерального секретаря ООН. Вам не приходило в голову, что я хочу умереть? Вдруг эти боли, прогрессирующее физическое или психосоматическое недомогание станут для меня выходом? Я не хочу больше жить. Возможно. Кто знает? Какая кому разница? Но к черту все это.

Он распахнул настежь дверь в коридор и неожиданно крикнул громким и сильным голосом:

– Вирджил! Ради всего святого, давай нальем и начнем наше мероприятие. Вы знали, что это вечеринка? – бросил он через плечо Эрику. – Могу поклясться, старик убедил вас в том, что здесь состоится серьезное совещание по решению политических, военных и экономических проблем Земли. Через полчаса.

Он широко улыбнулся, продемонстрировав большие белые зубы.

– Честно говоря, я рад, что это всего лишь вечеринка, – ответил Эрик.

Разговор с Молилари оказался для него столь же труден, как и для самого Джино. Однако интуиция подсказывала ему, что Вирджил Эккерман этого просто так не оставит. Тот хотел что-то сделать для Моля, желал облегчить его страдания, и на это у него имелись вполне практические причины.

Уход Джино Молилари означал конец власти Вирджила в корпорации. Управление экономическим комплексом Земли было ключевым для представителей Френеки, имевших, вероятно, тщательно разработанные политические планы.

Вирджил Эккерман был умным бизнесменом.

– Сколько вам платит этот старый фрукт? – вдруг спросил Молилари.

– Очень... очень много, – удивленно ответил Эрик.

– Он разговаривал со мной о вас, – сказал Молилари, смерив его взглядом. – Перед этой встречей. Сообщил мне, что вы прекрасный специалист. Мол, благодаря вам он живет намного дольше положенного, и все такое прочее.

Оба улыбнулись.

– Чего хотите выпить, доктор? Мне все нравится. Еще я люблю котлеты, мексиканскую кухню, ребрышки и жареные креветки с хреном и горчицей... Услаждаю свой желудок.

– Бурбон, – решил Эрик.

В комнату вошел какой-то человек и бросил взгляд на доктора. У него было серое, мрачное лицо, и Свитсент понял, что это один из сотрудников охраны Моля.

– Это Том Йохансон, – пояснил Генсек. – Он поддерживает во мне жизнь. Таков мой доктор, Эрик Свитсент. Но для этого ему служит пистолет. Покажи доктору свою пушку, Том. Докажи ему, что можешь грохнуть любого, в любой момент и с любого расстояния. Прикончи Вирджила, когда он появится в коридоре. Выстрели ему прямо в сердце. Потом доктор сможет вставить ему новое. Сколько на это требуется времени? Десять, пятнадцать минут? – Моль громко рассмеялся и кивнул Йохансону. – Том, закрой дверь.

Телохранитель исполнил приказ. Моль встал напротив Эрика.

– Послушайте, доктор. Я хотел бы вас кое о чем спросить. Предположим, вы начали бы меня оперировать, удалили бы старый желудок, поставили новый – и что-то вдруг не вышло. Мне не было бы больно, верно? Ведь я был бы без сознания. Могли бы вы это сделать? – Он пристально смотрел Эрику в глаза. – Понимаете, о чем я? Вижу, что понимаете.

Позади них стоял у закрытой двери невозмутимый охранник, никого не впуская и не давая посторонним услышать этот в высшей степени доверительный разговор.

– Зачем? – помолчав, спросил Эрик. – Не лучше ли просто воспользоваться «люгер-магнумом» Йохансона? Раз вы этого хотите...

– Сам не знаю зачем, – ответил Моль. – Похоже, без всяких на то причин. Может, из-за смерти жены. Скажем так, из-за возложенных на меня обязанностей, с которыми я, по мнению многих, не справляюсь. Я с этим не согласен, но они не понимают всех сторон ситуации. И еще я просто устал, – признался он.

– Это можно было бы сделать, – сказал Эрик чистую правду.

– Вы могли бы?

Глаза его, по-прежнему смотревшие на медика, вспыхнули. Шли секунды.

– Да, мог бы.

У Эрика имелись довольно своеобразные взгляды на самоубийство. Несмотря на врачебный кодекс, этическую основу медицины, он, опираясь на собственный опыт, был убежден в том, что если кто-то хочет умереть, то у него есть на это полное право. Доктор не мог, даже не пытался рационально обосновать подобное убеждение. Данный тезис казался ему очевидным сам по себе. Он не знал никаких свидетельств в пользу того, что жизнь есть благо. Возможно, для некоторых так оно и было, для других же – однозначно нет.

Для Джино Молинари жизнь стала кошмаром. Этот человек был болен, его мучили угрызения совести, угнетала огромная, по-настоящему безнадежная ответственность. Его собственный народ, земляне, не питал к нему доверия, не пользовался он уважением также и у жителей Лилистара. К этому прибавлялись личные проблемы, начиная с внезапной смерти жены и заканчивая болями в желудке.

Эрик понял, что это, похоже, еще не все. Оставались некие факторы, известные только Молю, решающие, о которых он не собирался никому говорить.

– Так вы сделали бы это? – спросил Молинари.

Эрик долго молчал, наконец ответил:

– Да, сделал бы. Это должен быть договор между нами двоими. Вы меня попросите, я исполню просьбу, и на этом все закончится. Это было бы исключительно наше дело.

– Да, – кивнул Моль, и на его лице отобразилось облегчение.

Он слегка расслабился, обрел минутное спокойствие.

– Теперь я понимаю, почему Вирджил вас рекомендовал.

– Однажды я хотел сделать это с собой, – признался Эрик. – Совсем недавно.

Моль резко обернулся и уставился на доктора столь пронзительным взглядом, что тот будто прошел его насквозь, вонзился в самые глубины души.

– В самом деле? – спросил Джино.

– Да, – кивнул врач.

«Потому-то я и могу тебя понять, поставить себя на твое место, даже не зная точных причин», – подумал он.

– Но я хочу знать причины, – сказал Моль.

Его слова настолько напомнили Свитсенту телепатическое чтение мыслей, что он ошарашен, не в силах отвести взгляд от пронзительных глаз собеседника. Внезапно он понял, что Генсек вовсе не обладал никакими парапсихологическими способностями. Дело было совсем в другом.

Моль протянул руку, Эрик машинально ее пожал и почувствовал, что не может освободиться. Джино не отпускал его ладонь, сжимал ее так, что боль пронизывала до самого плеча. Молинари пытался лучше к нему приглядеться, понять все, что только удастся, как еще недавно Филлис Эккерман. Но он не придумывал никаких гладких, простых теорий. Ему нужна была правда, причем высказанная самим Эриком Свитсентом.

Эрик вынужден был рассказать Молю, что случилось. У него просто не оставалось другого выхода.

Речь в данном случае шла, в общем-то, о мелочи. Если бы доктор кому-нибудь об этом рассказал – а он никогда не был настолько глуп, чтобы излагать эту историю хоть кому-то, – его совершенно справедливо сочли бы идиотом. Или, что еще хуже, душевнобольным.

– Речь идет об одном случае с...

– Вашей женой, – закончил Моль, не отводя взгляда от Эрика и не отпуская его руку.

– Да, – кивнул медик. – И с моими видеозаписями превосходного комика середины двадцатого века Джонатана Винтерса.

Именно эта коллекция послужила поводом для того, чтобы впервые пригласить к себе Кэти Лингрон, которая выразила желание зайти к нему домой и посмотреть несколько сцен.

– Из самого факта наличия у вас этих записей она сделала некие психологические выводы, – сказал Моль. – Нечто значительное о вашей личности.

– Да, – снова мрачно кивнул Эрик.

Кэти, свернувшись клубочком, провела вечер в его гостиной, длинноногая и гладкая как кошка, с обнаженными грудями, покрашенными модным тогда зеленым лаком.

Она не сводила взгляда с экрана, конечно, смеялась – разве можно было удержаться? – а потом задумчиво проговорила:

«Знаешь, этот Винтерс обладал великим талантом играть свои роли. Входя в образ, он почти полностью в него погружался. Будто в самом деле верил, что становится кем-то другим».

«Это плохо?» – спросил Эрик.

«Нет. Но это объясняет, почему тебя привлекает Винтерс».

Кэти обняла ладонями влажное, холодное стекло бокала. Ее длинные ресницы задумчиво опустились.

«Из-за той части его личности, которая никогда не погружается ни в какую роль. Это означает, что ты сопротивляешься жизни, роли, которую в ней играешь – хирурга-трансплантолога. Некая детская, подсознательная часть тебя не желает присоединяться к остальному человеческому обществу».

«И что, это плохо?»

Он пытался шутить, старался даже тогда перевести скучный разговор в более веселое русло, которое отчетливо рисовалось в его воображении, когда он смотрел на ее чистые обнаженные бледно-зеленые груди, будто излучавшие собственное сияние.

«Это обман», – заявила Кэти.

При этих ее словах он внутренне застонал – впрочем, и теперь тоже.

«Ты обманываешь других, – продолжала Кэти. – Например, меня».

К счастью, тогда она над ним сжалась и сменила тему, за что он был ей благодарен. Но все же почему это его так взволновало?

Позже, после свадьбы, Кэти решительно потребовала, чтобы он держал коллекцию видеозаписей у себя в кабинете, а не в общей части квартиры. Она заявляла, что они каким-то образом ее раздражают, но не знала или, по крайней мере, не говорила, почему именно. Когда вечерами Эрик ощущал давнее желание посмотреть фрагмент выступления Винтерса, Кэти всегда жаловалась.

– Почему? – спросил Моль.

Эрик не знал. Он не понимал этого ни тогда, ни теперь. Однако это был зловещий знак. Муж замечал отвращение, которое испытывала жена, но не улавливал его смысла. Невозможность понять то, что происходит в его собственной супружеской жизни, крайне беспокоила Свитсента.

Тем временем благодаря ходатайству Кэти он получил работу у Вирджила Эккермана. Жена дала ему возможность совершить большой скачок в общественной и экономической иерархии. Он, естественно, был ей благодарен, как же иначе? Доктор смог удовлетворить все свои амбиции.

Способ их реализации не казался ему существенным. Многие жены помогали мужьям на очередных трудных этапах карьеры, и наоборот. Но все же...

Кэти это не давало покоя. Даже при том, что это была ее собственная идея.

– Так это она устроила вас на ту работу? – нахмурившись, спросил Моль. – А потом постоянно об этом напоминала? Кажется, я уже очень хорошо понимаю.

Он начал хмуро ковыряться в зубах.

– Однажды ночью, в постели... – Эрик замолчал, не в силах продолжать.

Речь шла об очень личном и страшно неприятном.

– Я хочу знать остальное, – заявил Джино.

Доктор пожал плечами.

– Ну... она сказала что-то насчет того, что сыта по горло этим цирком, в котором мы торчим. Под цирком она понимала, естественно, мою работу.

Кэти лежала в постели. Ее волосы падали на плечи. Тогда они у нее были намного длиннее, чем теперь.

«Ты женился на мне затем, чтобы получить работу, – сказала она. – Сам ты не справляешься, а мужчина должен быть самостоятельным».

Глаза ее наполнились слезами. Она уткнулась лицом в подушку и расплакалась или, по крайней мере, притворилась, что плачет.

«Не справляюсь?» – растерянно переспросил Эрик.

– Вы не поднимаетесь выше, – прервал его Моль. – Не ищите лучшей работы. Именно это имеют в виду, когда говорят нечто подобное.

«Но я люблю свою работу», – сказал тогда Свитсент.

«То есть тебе вполне достаточно создавать впечатление успешного человека, которым ты на самом деле не являешься, – сдавленно проговорила Кэти, шмыгнула носом и добавила: – Да и в постели ты ужасен».

Он встал, прошел в гостиную, немного посидел там в одиночестве, а затем машинально направился в кабинет и поставил в проигрыватель одну из своих драгоценных кассет с Джонни Винтерсом. Какое-то время доктор сидел с несчастным видом, глядя, как Джонни меняет шляпу за шляпой, каждый раз становясь совершенно другим человеком. И тут...

В дверях появилась Кэти, изящная, обнаженная и стройная. Лицо ее исказила гримаса.

«Ты нашел ее?»

«Что нашел?» – Он выключил проигрыватель.

«Кассету, которую я уничтожила», – заявила она.

Он смотрел на нее, не в силах осознать услышанное.

«Несколько дней назад, – вызывающе бросила она. – Я была одна в квартире. Мне стало грустно – ты занимался какими-то глупостями у Вирджила, – и я поставила какую-то кассету, как надо, точно по инструкции. Но что-то пошло не так, и запись стерлась».

– В таких ситуациях говорят, что не случилось ничего страшного, – мрачно пробормотал Моль.

Эрик об этом знал, как тогда, так и теперь, но все же спросил сдавленным хриплым голосом:

«Какая это была кассета?»

«Не помню».

«Какая, черт бы тебя побрал?» – заорал он, теряя терпение, метнулся к полке, достал первую попавшуюся коробку, открыл ее и сразу же понес к проигрывателю.

«Я знала, что твои видеозаписи значат для тебя больше, чем я. Так было всегда», – бесстрастно заявила Кэти и окинула его взглядом, полным презрения.

«Скажи мне, какая это была кассета! – умолял он. – Пожалуйста!»

– Конечно, она вам этого не сказала, – задумчиво проговорил Моль. – Именно это ей и было нужно. Вам пришлось бы просматривать каждую кассету, чтобы обнаружить испорченную. Несколько дней просидеть за проигрывателем. Чертовски хитрая дамочка!

«Нет, – тихо проговорила Кэти, и лицо ее снова исказилось, на этот раз от ненависти к Эрику. – Я рада, что поступила так. Знаешь, что я собираюсь сделать дальше? Уничтожить их все».

Он тупо уставился на нее.

«Ты этого заслуживаешь, – продолжала жена. – Поскольку скрывал правду и не дарил мне всю свою любовь. Твое место здесь, где ты мечешься, словно зверь, охваченный пани-

кой. Только посмотри на себя! Как же ты жалок! Весь трясешься и вот-вот разрыдаешься. Все из-за того, что кто-то стер одну из твоих невероятно важных кассет».

«Но это мое хобби, – возразил он. – Увлечение всей жизни».

«Как манная каша для младенца».

«Их нельзя восстановить. Некоторые из них есть только у меня в единственном экземпляре. Например, шоу Джека Паара».

«Ну и что с того? Знаешь что, Эрик? Ты сам-то на самом деле понимаешь, почему тебе нравится разглядывать мужиков по видео?»

Моль что-то проворчал. Его мясистое одутловатое лицо дрогнуло.

«Потому что ты педик», – заявила Кэти.

– Ох, – пробормотал Моль и моргнул.

«Ты на самом деле гомосексуалист. Честно говоря, сомневаюсь, что ты сам это осознаешь, но так оно и есть. Посмотри на меня, ну же! Вот же я – весьма привлекательная женщина, доступная тебе в любое время дня и ночи».

– Причем бесплатно, – язвительно заметил Моль.

«Тем не менее ты сидишь с этими кассетами, вместо того чтобы трахаться со мной в спальне. Искренне надеюсь, что стерла именно ту кассету. – Она замолчала и повернулась к нему спиной. – Спокойной ночи. Приятных игр с самим собой».

В это трудно было поверить, но голос ее звучал совершенно спокойно. Она повернулась и направилась по коридору – стройная, белая, нагая, спиной к нему. Эрик вскочил и бросился к ней, протягивая руки. Он догнал Кэти, крепко схватил ее, сжал пальцами мягкие руки и развернул лицом к себе.

Она смотрела ему в лицо и удивленно моргала.

«Я тебя...» – начал он, но тут же замолчал.

Доктор хотел сказать: «Я тебя убью».

Но холодная и рациональная часть его личности, скрытая где-то в глубинах разума, прошептала хладнокровный приказ: «Не говори так. Если скажешь – ты у нее в руках. Она никогда тебе этого не простит, будет мучить до конца жизни. Этой женщине нельзя причинять боль, ибо она умеет делать то же самое в тысячу раз лучше. Да, именно в этом состоит ее искусство – в числе прочих».

«Отпусти меня». – Ее глаза туманно блеснули.

Он отпустил.

Кэти немного помолчала, потеряла руку и сказала:

«Эта коллекция видеозаписей должна исчезнуть из нашей квартиры до завтрашнего вечера. В противном случае между нами все кончено, Эрик».

«Хорошо», – кивнул он.

«Это еще не все, – продолжала Кэти. – Ты должен найти лучше оплачиваемую работу в какой-нибудь другой фирме. Чтобы я не спотыкалась о тебя на каждом шагу. А потом... посмотрим. Может, нам удастся жить друг с другом на новых условиях, более справедливых для меня. Так, чтобы ты мог обращать больше внимания на мои потребности, а не только на свои собственные».

Удивительно, но она идеально владела собой, что было достойно восхищения.

– Вы избавились от кассет? – спросил Моль.

Эрик кивнул.

– И в течение нескольких последующих лет прикладывали все усилия, чтобы справиться со своей ненавистью к жене?

Доктор снова кивнул.

– Ненависть к ней превратилась в такое же отношение к самому себе, – продолжал Джино. – Поскольку вы не в силах были вынести даже мысли о том, что боитесь одной-

единственной женщины, очень могущественной личности. Заметьте, я говорю «личности», а не «женщины».

– Все эти удары ниже пояса, – начал Эрик. – Стертая кассета...

– Удар ниже пояса заключался не в том, что она стерла кассету, а в том, что не хотела говорить, какую именно, – перебил его Генсек. – Кроме того, она явно дала вам понять, что это доставляет ей радость. Если бы жена извинялась... Но такие люди, подобные женщины, никогда не просят прощения. Ни за что. – Он помолчал. – Бросить ее вы не можете.

– Мы спаяны друг с другом, – сказал Эрик. – Что случилось, то случилось.

«Мы причиняли друг другу боль по ночам, когда никто не мог вмешаться, подслушать и прийти на помощь, – подумал Эрик. – Нам обоим нужна поддержка, ибо это никогда не кончится. Ситуация будет лишь ухудшаться, разъедать нас все сильнее, пока наконец милосердная судьба...»

Но это могло длиться в течение многих лет.

Поэтому Эрик понимал желание смерти, которое испытывал Джино Молилари. Так же как и Генеральный секретарь, он мог представить ее как освобождение, единственное надежное избавление, которое существовало. А может, и не существовало никакого избавления – если учесть невежество, привычки и глупость всех людей, имевших к тому отношение, а также вневременную натуру человечества.

Собственно говоря, Эрик почувствовал, что его с Молилари связывает много общего.

– Один из нас испытывает невыносимые страдания в личной сфере, прячется от широкой общественности, пытается стать маленьким и незаметным. – Собеседник словно прочитал его мысли. – Второй страдает публично, в величественном римском стиле, словно пронзенный копьем умирающий бог. Удивительно. Полная противоположность. Микро– и макрокосмос.

Эрик кивнул.

– Во всяком случае, я лишь делаю вам еще хуже, – заявил Моль, отпустил руку Эрика и хлопнул его по плечу. – Прошу прощения, доктор Свитсент, давайте сменим тему. Открой дверь, мы закончили, – велел он телохранителю.

– Одну минуту, – сказал Эрик, хотя и не знал, что говорить дальше.

Его выручил Джино.

– Как бы вы отнеслись к предложению занять пост в моей команде? – неожиданно нарушил он тишину. – Такое вполне можно устроить. Формально это приравнивалось бы к призыву вас на военную службу. Можете не сомневаться в том, что станете моим личным врачом, – добавил Генсек.

– Интересное предложение, – ответил Эрик, изображая безразличие.

– Вы больше не будете спотыкаться о нее на каждом шагу. Такое событие вполне может стать началом вашего отдаления друг от друга.

– Верно, – кивнул Эрик.

«Истинная правда. Весьма заманчивая перспектива, если подумать. Что за ирония судьбы? Все полностью совпадает с теми требованиями, которыми Кэти изводит меня уже несколько лет».

– Нужно будет обсудить это с женой, – начал он и тут же покраснел. – Или, по крайней мере, с Вирджилом, – пробормотал доктор. – Во всяком случае, его согласие обязательно.

– Есть одно «но», – мрачно процедил Моль, сурово глядя на него. – Работая у меня, вы не слишком часто будете видеть жену, зато познакомитесь со многими нашими союзниками. – Он поморщился. – Как вам понравится общество лилистарцев? Может оказаться, что у вас у самого существуют некоторые ночные проблемы с желудком или даже, что еще хуже, психосоматические отклонения, о которых вы пока не догадываетесь, несмотря на профессию.

– Я и так уже мучаюсь по ночам. Теперь, по крайней мере, будет хоть какая-то компания, – ответил Эрик.

– Моя? – удивился Молиари. – Нет, Свитсент. Ни вы, ни кто-либо другой не сочли бы меня подходящей компанией. По ночам с меня будто живьем сдирают кожу. Я ложусь в десять, а в одиннадцать обычно снова на ногах. – Он задумчиво замолчал. – Да, ночь для меня не лучшее время, ни в коей мере.

Это было отчетливо видно по его лицу.

5

Вечером Эрик Свитсент вернулся из Ваш-35 и встретился с Кэти в их квартире, расположенной по другую сторону границы, в Сан-Диего. Жена пришла домой раньше его, и встречи, естественно, было не избежать.

– Итак, мы вернулись с маленького красненького Марса, – заметила Кэти, когда Эрик закрыл за собой дверь гостиной. – И чем ты занимался эти два дня? Бросал шарик в кольцо и разбил наголову всех остальных мальчиков и девочек? А может, смотрел кино с Томом Миксом?

Она сидела на диване с бокалом в руке. Ее волосы были завязаны сзади, что делало женщину похожей на девочку-подростка. Из-под черного платья виднелись длинные гладкие ноги, изящно сужавшиеся у лодыжек. На каждом ногте босых ступней блестела наклейка, изображавшая – он нагнулся, чтобы разглядеть поближе, – какую-то красочную сцену времен норманнского завоевания. Картинки на мизинцах выглядели, на его вкус, чересчур непристойно.

Эрик направился к шкафу, чтобы повесить пальто.

– Мы немного отвлеклись от войны, – сказал он.

– Кто – мы? Ты и Филлис Эккерман? Или ты и еще кто-то?

– Мы все там были, не только Филлис.

Эрик подумал, что бы такое приготовить себе на ужин. Пустой желудок требовал еды. Пока что он еще не болел, но, возможно, и этому придет время.

– Меня на эту прогулку не пригласили по какой-то конкретной причине?

Ее голос ударял подобно бичу, заставлял его внутренне сжиматься в комок, словно биохимическое существо, сидящее в нем, боялось предстоящего обмена репликами. Кэти тоже это чувствовала. Видно было, что и ее вынуждает к противостоянию некая сила. Жена выглядела столь же растерянной и беспомощной, как и муж.

– Без всяких причин.

Эрик прошел на кухню. Он был слегка ошеломлен. Первый натиск жены будто приглушил его чувства. Многие подобные столкновения научили Свитсента, что следует защищаться на телесном уровне, если только это возможно. Подобную необходимость осознают лишь старые, уставшие и опытные мужья. Новички же идут напролом, руководствуясь реакциями мозжечка. Им тяжелее.

– Я не услышала ответа, – заявила Кэти, стоя в дверях кухни. – Я хочу знать, почему меня преднамеренно оставили за бортом.

Господи, как же привлекательно она выглядела! Под черным платьем на ней, конечно же, ничего не было. Эрик видел каждый изгиб ее тела. Все они были хорошо знакомы ему. Но куда девалась мягкая, податливая, близкая Эрику душа, обретавшая когда-то в этом теле? Фурии позаботились о том, чтобы проклятие дома Свитсентов, как он порой его для себя называл, обрушилось на него со всей силой. Он стоял перед существом, с физической точки зрения являвшимся воплощением совершенства, с духовной же...

Когда-нибудь эта жесткость и негибкость проест ее насквозь, все телесные сокровища зачахнут. И что тогда? Подобное предсказывал даже голос жены, заметно изменившийся за последние несколько лет, даже месяцев.

«Бедняжка Кэти, – подумал Эрик. – Когда смертельный холод охватит твое лоно, груди, бедра и ягодицы так же, как наверняка уже окутал сердце, твоей женственности придет конец. А этого ты не переживешь, что бы ни делал я или какой-то другой мужчина».

– Тебя исключили из списка, потому что ты чудовище, – осторожно сказал он.

Она непонимающе вытаращила глаза, полные паники и неприкрытого изумления, за долю секунды вернувшись на землю. От первобытного инстинкта, побуждавшего ее скандалить, не осталось и следа.

– Так же как и сейчас, – добавил он. – Так что оставь меня в покое. Я хочу приготовить себе ужин.

– Пусть Филлис Эккерман тебе его приготовит, – предложила Кэти.

К ней вновь вернулась сверхчеловеческая властность, в голосе звучала насмешка, полная вековой мудрости. Почти телепатически, основываясь лишь на женской интуиции, она узнала о его маленьком романе с Филлис по пути на красную планету. А на самом Марсе, ночью...

Он спокойно предположил, что ей не хватит даже своих выдающихся способностей, чтобы до этого докопаться. Не обращая внимания на жену и стоя к ней спиной, он начал разогревать в инфракрасной печи замороженную курицу.

– Угадай, что я сделала, пока тебя не было, – сказала Кэти.

– Нашла себе любовника.

– Нет, попробовала новый галлюциногенный наркотик. Его мне дал Крис Плаут. Мы собирались у него дома, и там был не кто иной, как знаменитый во всем мире Марм Хастингс. Он пытался за мной ухаживать, когда мы были под кайфом, и... в общем, это оказалось просто мечтой.

– Так что? – пробормотал Эрик, освобождая себе место на столе.

– Как восхитительно было бы родить ему ребенка!

– «Восхитительно»... Господи, что за упадочнический язык. – Он повернулся к ней, чувствуя себя как в ловушке. – Так вы с ним...

– Не исключено, что это была галлюцинация, – улыбнулась Кэти. – Хотя не думаю. Знаешь почему? Потому что когда я вернулась домой...

– Избавь меня от подробностей! – Эрика вдруг начало трясти.

В гостиной зазвонил видеофон.

Эрик снял трубку и увидел на небольшом сером экране вытянутое лицо человека, смотревшего на него весьма меланхолично. Это был Отто Дорф, военный советник Джино Молинали. Он летал с ними в Ваш-35, обеспечивая безопасность Генерального секретаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.